

Роман Лагутин

ЧАСТИЦЫ

НОВАЯ ОСОБЬ

18+

Роман Лагутин

Частицы. Книга 2. Новая особь

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Лагутин Р. С.

Частицы. Книга 2. Новая особь / Р. С. Лагутин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Итак, прошло чуть больше года с момента ужасных событий на острове Дайменд клавс. Скот Дункан – ученый, занимающийся изучением паука, привезенного с острова, разрабатывает вакцину против заражения человеческого организма. Усилия многих месяцев не проходят даром, и на свет появляется опытный образец лечебного вещества, который не демонстрирует положительных стопроцентных результатов. Напарник, которому доверял Дункан, оказывается на редкость алчным человеком, что чуть не привело к катастрофе широкого масштаба.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Я не считаю свих неудач, их просто нет.
Любое затеянное мероприятие
уже само по себе является на пятьдесят процентов удачным.
Грэг Блоу

Глава 1

Сравнительно недавно построенное частное медицинское учреждение к югу от Эль Аламо, штат Сальтильо (Мексика), было наиболее заметным сооружением футуристического характера, воздвигнутым за последний десяток лет. В основном архитектура заведения отличалась наибольшей привлекательностью и необычностью конструкции для данной местности. По мнению самих жителей города Эль Аламо, новая постройка обладала отталкивающими особенностями, в частности, из-за назначения, нежели по внешним признакам, которые итак, по их мнению, заметно не вписывались во внешний ландшафт.

Работники медицинского заведения, начиная от новичков и заканчивая продвинутыми специалистами, имели ряд неординарных интеллектуальных способностей, характерных каждому без исключения обитателю внушительного сооружения. Конечно, в отличие от двуногих интеллектуалов, прочие существа не были свободны и имели в своем распоряжении ограниченное пространство для свободного перемещения. Профессиональные навыки работников даже в малейшей мере не допускали послабления к изучаемому «субстрату».

Если говорить точнее, подопытные медицинского заведения в Эль Аламо оставались подопытными, а исследователи, проводившие над ними опыты, оставались исследователями.

Безусловно, к числу «кровожадных» исследователей, начиная подсобником и пройдя все мытарства на пути к достижению высокой должности, примыкала такая дальновидная личность, как Скот Дункан. Может быть, это прозвучит банально, но, как и многие из нас, Скот совершал массу ошибок на пути к успешной карьере в медицинском учреждении с интригующим названием «de marmol blanco» (Де мармол бланко). В переводе с испанского означает – «Белый мрамор». В данную секунду Скот стоял перед большим вольером, врезанным в стену, размером с одноместный гараж для легкового автомобиля. Вольер являлся светонепроницаемым, а внутри него было темно и лишь только ядовито-синее свечение озаряло темное пространство вокруг гигантского паука, находившегося там. Сцепленный канцелярской скрепкой, средних размеров перечень отчетности, из тридцати пяти страниц, находился в руках Дункана. Быстро пробегая взглядом по строчкам, он перелистывал страницу за страницей, пока внимание не привлекли заинтересовавшие его сведения. В своем начале отчетность не представляла собой ничего существенного: размеры и всевозможные повадки – мало интересовали заядлого медицинского прагматика.

На двадцать восьмой странице подводились итоги интеллектуальных способностей подопытного. Взгляд Дункана молниеносно, жадно поглощая мозгом информацию, пробежал по тексту. В основу его заинтересованности легли составляющие когнитивных процессов мозговой деятельности подопытного: «Умственное восприятие и обработка информации превосходит человеческий уровень на двадцать пять процентов». Подобная информация вызвала у Дункана массу тревожных и вместе с тем радостных эмоций. Вспоминая отчет недельной давности, Скот сам для себя отметил невероятные темпы роста в двенадцать с половиной процентов, по сравнению с прошлыми показателями.

В просторном зале с «питомцами», помимо самого Дункана, находилось еще несколько попарно сформированных людей, за каждой группой, из двух человек, числился как минимум один подопытный живой образец. Скот же стоял совершенно один, погруженный с головой в изучаемый материал и не обращал абсолютно никакого внимания на перешептывания других исследователей. Почувствовав слева от себя чье-то присутствие, ученый медик на время оторвался от текста и повернул голову.

Чувства не подвели Дункана.

Вздвогнув от неожиданности, он убедился, что в двадцати сантиметрах от его плеча стоял Барни Твигл, настороженно всматривающийся на застывшего монстра, сквозь пятисантиметровое стекло вольера. Всегда слоняясь по медицинскому корпусу как неприкаемый, он то и дело пугал сосредоточенно работающих людей. Барни был напарником Дункана. Скот, в свою очередь, воспринимал своего партнера, как наказание за, возможно, когда-то давно совершенные им неблагоприятные поступки. В данный момент поза Барни и выражение его лица свидетельствовали о чрезмерной сосредоточенности на объекте. Он чуть прислонился к холодному стеклу вольера для того, чтобы попытаться разглядеть хотя бы едва заметные движения изучаемого существа.

Хотя Барни и нельзя было назвать невеждой по отношению к работе, все же он иногда удивлял, а порой даже поражал окружающих своими странными манерами. Вот и сейчас, казалось бы, зачем ему так вызывающе смотреть на монстра. Ну не шевелится он и что из этого. Но только не для Барни. Если какое-то неизвестное существо ведет себя, с его точки зрения, подозрительно – значит, на него следует обратить самое пристальное внимание.

Не ясной человеческому пониманию, монстр скрытой способностью почувствовал на себе пристальный взгляд. Предварительно не сделав даже и намека на атаку, восьмипалое чудовище рванулось со своего места и бросилось на стекло.

Но не тут-то было.

В случае столкновения, судьба хоть и толстого бронированного стекла была бы предрешена. Конечно, от одного удара оно бы не разбилось и, скорее всего, трещин тоже не пустило. Только если бы не сработала система безопасности, монстр вряд ли бы ограничился одиночной атакой. Автоматически сработавшая, непродолжительная яркая вспышка мощной лампы предотвратила приближение паука к стеклу. Заостренная на конце конечность монстра застыла в нескольких сантиметрах от прозрачной преграды.

В общем, сам Скот хоть и был оптимистом, но теперь, то, что произошло с подопытным, лишит его возможности в ближайшие пять – шесть дней, экспериментальным путем проверить свои догадки относительно мыслительных процессов существа.

Неодобрительно взглянув на партнера по работе, Скот произнес:

– Ты ничего получше не мог придумать, вместо того чтобы таращиться на запертую в стеклянной тюрьме тварь. Интересно, как бы ты себя повел на его месте в подобной ситуации, если бы на тебя так кто-то уставился?

– Я просто хотел...

Дальнейшие оправдания напарника Дункан уже не слышал, он думал о том, каким образом столь несерьезный человек смог оказаться в подобном этому месте.

«Благо еще, что, – подумал Скот, – сегодня последний рабочий день и половину следующей недели паук будет в отключке. Можно не волноваться, что монстр проявит еще одну попытку агрессии, обычно он долго отходит после кристаллизации и потом долгое время ведет себя спокойно.

Скот всегда старался извлечь из любой ситуации какую-то пользу.

Еще год тому назад Скот Дункан и вовсе не знал о существовании Барни, но зато хорошо был знаком с доктором Хиггентсом, который, после заражения Частицами, завещал свое тело и развивающегося в нем существа для исследований. Последняя воля выдающегося хирурга была выполнена в полной мере. Было делом нелегким придумать, каким образом переместить родившееся дьявольское создание в вольер, а потом еще и удерживать его там. Как не странно, но именно Твигл, узнав от Грэга Блоу о слабостях тварей, предложил: сразу после рождения осветить монстра, а после переместить в специально сконструированное место – для последующего изучения, в котором существо по сей день и находится.

«Это немыслимо, – выкрикивал кто-то на совете профессоров. – Вы погубите живой образец, не успев даже получить элементарных сведений».

Возражений, конечно, хоть и было много, но кроме предъявленного ранее, никаких других конструктивных предложений больше не последовало и поэтому руководством «Де мармол бланко» было принято осуществить замысел Барни, а Дункана назначили все это дело воплотить в жизнь. После того как выяснилось, что кристаллизованный монстр на шестые сутки вновь обретает полноценную жизнедеятельность, Скот и Твигл стали работать вместе как единый, но не до конца слаженный механизм.

– Да не переживай ты так, – со свойственной ему улыбкой произнес Твигл. – Ты уже забыл, как в первые дни монстр, раз за разом, приходя в себя, бросался на стекло и вновь кристаллизовался и так на протяжении нескольких месяцев. Тогда мы долго сидели без работы. – Барни почесал нос. – Хорошее было время: чашка чая, затем другая, потом глядишь и недельная смена закончилась.

На подобное изречение напарника Скот не смог не отреагировать. «Да-а?! Вот только когда начальство потребует отчет о том, что стало причиной агрессии существа, не ты, тщателью подбирая слова, будешь писать оправдательное письмо», – злоречиво подумал он.

Вымощенный белой каменной плиткой пол – в просторном помещении с вольерами – обладал одной весьма характерной особенностью: он создавал великолепную акустику. Конечно, временами это доставляло массу неудобств, например, когда какое-либо животное непрерывно издавало свойственные ему и всегда неприятные человеческому слуху звуки, (по задумке, стеклянные клетки, вопреки своей массивности, не являлись звуконепроницаемыми). Но зато смотритель «непревзойденного зоопарка» всегда был в курсе того, что происходит в зале с подопытными животными. Видеокамеры, установленные в вольерной, были оснащены микрофонами и прекрасно, в мельчайших подробностях, передавали сопутствующие изображениям звуки живой природы.

Однажды смотритель, по имени Стэнли, по стечению обстоятельств, стал очевидцем того, как двадцатиметровая анаконда, непонятно каким образом выбравшаяся из своего заточения, сожрала у него на глазах уборщика Мэтью. Именно душераздирающие крики предсмертной агонии вовремя осведомили смотрителя о страшном происшествии.

Не считая смотрителя, охранники были одни из первых, кто узнал о трагической кончине Мэтью. После того как Стэнли сообщил на пост дежурного о чрезвычайной ситуации, четверо храбрых охранников, вооруженные лишь электрошоковыми дубинками, да пистолетами со снотворным, ворвались в вольерную, застав гигантскую рептилию за умиротворенным перевариванием недавней трапезы.

Несмотря на то, что змей уже поглотил свою добычу, представшее взору зрелище, все же оказывало неизгладимое впечатление на психику. Примерно в восьми метрах от здоровенной башки пресмыкающегося создания находилось, продолговатой формы, шишковатое образование. Охранники быстро смекнули, что это образование и есть проглоченный заживо Мэтью. Но, несмотря на страшную картину, самоотверженные ребята не растерялись и попытались изловить ненасытную змеюку.

Когда один из охранников прицелился, намереваясь с одного выстрела усыпить пресмыкающееся, коварный змей, по-видимому, уже сталкивался с подобным оружием и, зная, чем все это может закончиться, попытался скрыться.

– Стоять...

В устах стрелка подобные слова, по отношению к животному, прозвучали несколько неординарно. Елозя по каменной плитке, надраенной Мэтью до блеска, змей, не имея возможности передвигаться, переключился от бегства к атаке. Повернувшись к охранникам, он, возвышаясь над ними, изготовился на рывок, как вдруг, под сопровождение короткого хлопка, шприц с быстродействующим снотворным угодил в широкое туловище змеи. Через три секунды двадцатиметровая анаконда, потеряв сознание, рухнула на пол.

После услышанного от Стэнли рассказа: о бегстве здоровенной змеи – Скот еще не раз вспоминал подозрительное происшествие, и каждый раз это воспоминание заканчивалось одним и тем же вопросом: «Каким образом столь громоздкое создание смогло вырваться на свободу?» Увы, ответа Дункан так и не смог найти даже по сей день.

Некоторое время Барни Твигл еще наблюдал за отсутствующим взглядом Дункана, а когда это дело его утомило, он решил привести партнера в чувства:

– Скот, ты еще здесь? – Твигл поднес руку к носу Дункана и громко щелкнул пальцами.

Слегка вздрогнув, Скот пришел в чувства и воззрился на напарника:

– Я задумался... – С секунду помолчав, он добавил: – Что, если это существо каким-то образом выберется на свободу и попадет в большой город? Какое тогда будущее ждет человечество?

Твигл посмотрел на кристаллизовавшегося монстра и ничего не ответил. Он представил себе ужасную катастрофу двадцать первого века, пестрые заголовки со словами: «Неизвестные чудовища уничтожают цивилизацию». Во всех городах царит хаос и разрушения. Люди, не погибшие от голода, погибают от смертоносных атак светящихся синевой монстров. Кульминацией воображения Барни был эпизод, в котором, по меньшей мере, три миллиарда людей превращаются в три миллиарда восьмипалых созданий.

– Как дела? – прозвучал голос зрителя, приближающегося к задумавшимся напарникам.

Вопрос Стэнли разнесся по вольерной громогласным эхом, пробуждая задумавшихся экспертов от интеллектуальных грез. Некоторым присутствующим группам подобное отвлечение совершенно не понравилось и они, как бы ни старались скрыть свое недовольство, все же выдали себя гнусными перешептываниями, сквернословя в адрес зрителя.

– А что, собственно говоря, у нас может быть не так, как обычно? – в ответ поинтересовался Скот.

– У меня сработал сигнализатор, указывающий, что в вольере под цифрой восемь активировалась система безопасности. Я взглянул на экран и увидел, что монстр обездвижен.

– И что тут может быть необычного? – вновь спросил Дункан.

– Не знаю, просто существо уже давно не вело себя подобным дерзким образом. Вот я и решил поинтересоваться у вас двоих, что тут происходит.

– Спроси об этом у Барни, а я пока пойду, занесу в компьютер последние данные и попытаюсь составить оправдательное письмо по этому инциденту.

Дункан не собирался оправдываться и уточнять детали нежелательного обстоятельства со зрителем, тем более что сам он не имел никогда отношения к сложившейся неприятности. Так как разговор не заладился еще в самом начале, Стэнли решил не усугублять ситуацию дополнительными вопросами, а Скот, повернувшись к выходу, поспешил покинуть зал с животными.

– Что это с ним? – зритель адресовал свой вопрос Барни.

– Переживает... – Твигл посмотрел на неподвижную фигурку кристаллизованного монстра, его четкие грани, от вспышки яркого света, заметно побледнели, а в самом вольере стало так темно, что его противоположная сторона совершенно скрылась в непроглядной тьме. – Боятся, что монстр выберется на свободу еще до того момента, как мы изобретем вакцину, действующую против заражения.

На лице у Стэнли не отразилось ни улыбки, ни недовольства, лишь только жадная гримаса нескрываемого любопытства.

– А что, уже есть какие-то достижения в этой области?

– Вакцины как таковой нет, но есть временные полуфабрикаты. Они недоработаны.

– Как это?

– Ну, понимаешь, каждая новая вакцина имеет ряд неблагоприятных нюансов, делающих ее неэффективной. Последнее наше достижение – это предотвращение развития чужеродного организма, но только на ранней стадии заражения. Примерно после тридцати минут с момента контакта, процесс уже не обратим.

– А вы что... прямо таки дожидались, когда монстры вылупятся. – Стэнли почесал затылок. – Небось, они сами на себя не похожи после ваших экспериментов...

– Нет, нам неизвестно, что могло бы появиться из зараженных животных. Зафиксировав необратимый процесс, мы сразу усыпляем подопытных зверей, а затем сжигаем их в специальной камере, где температура настолько высокая, что не остается даже мельчайшего фрагмента от некогда развивающейся твари.

Стэнли еще несколько мгновений смотрел на своего собеседника, который даже глазом не моргнул, рассказывая подобные страсти. Сам он, конечно, был не из робкого десятка, но, то, что поведal ему Твигл, было чем-то несоответствующим его представлению о науке. Скорее, это походило на издевательское отношение к природе.

– Неужели, чтобы открыть вакцину, которая в случае опасности спасет человечество, нужно погубить множество невинных животных? – Стэнли был уже не рад тому, что вник в подробности работы исследователей. Информация, которую он получил, совершенно его не радовала, а скорее наоборот – угнетала.

Барни пристально посмотрел в лицо смотрящего:

– Ты сегодня уже обедал?

– Да! – ответил Стэнли.

– Что ты ел на обед?

– Говяжьё отбивную с макаронами.

– Вот видишь, – произнес Твигл, глядя на собеседника. – Ты ел мясо.

Смотритель выпучил глаза и, страшась неутешительного ответа, спросил:

– А что, это мясо...

– Нет-нет, не переживай! Это мясо не подопытного животного. Я же тебе сказал, что все трупы мы сжигаем до пепла.

– А в чем тогда суть твоего вопроса?

Барни, слегка прищурив глаз, улыбнулся встревоженному смотрящему.

– Ты спокойно ел мясо, зная, что это часть убитого животного и совершенно не корил себя за то, что жадно поглощал его. Ты же был голоден, ведь так?

Стэнли ничего не оставалось, кроме как молча согласиться с доводами ученого.

– Если ты вдруг заразишься, и в тебе начнет развиваться подобная тварь, – Твигл указал на кристаллизованного монстра, – то в тот момент вряд ли будешь беспокоиться о животных, которые отдали свои жизни во имя спасения рода человеческого.

Смотритель слегка напрягся, но не посмел возразить, так как все, что говорил Барни, было истинной правдой жизни.

– Мы все без исключения когда-нибудь умрем, Стэнли. Рано или поздно все умирают. Люди, растения, животные – совершенно все и вся. Но раз мы по своей природе являемся существами разумными, то из этого всего следует, что нам надо использовать любого представителя дикой природы во благо собственного выживания. И кстати, не забывай, что животные зачастую руководствуются лишь инстинктами и смерть для них, с моральной точки зрения, не так болезненна, как для человека.

Стэнли немного подумал над словами Ученого, а потом, бросив мимолетный взгляд на паука, кивнул:

– Хочешь сказать, что они не пытаются заботиться о своем будущем? Подобно нам – людям, они стремятся к выживанию. Мне кажется, эта жизнь невиновата, если она таковой задумана природой. – Он вновь помолчал, а затем неожиданно добавил: – Вот что я думаю.

Нам всем просто нужно оставить этих существ в покое. Пусть живут себе на том острове. – Взгляд зрителя вновь устремился к побледневшей фигурке паука.

– Оставить в покое?! Знаешь, Стэнли, порой я тебя не понимаю. С одной стороны ты сперва соглашаешься с моими доводами, а потом вновь несешь какую-то ересь. Может ты не правильно в свое время выбрал занимаемую должность? Ты не зритель, а скорее философ.

Стэнли оторвал взгляд от паука и посмотрел на собеседника. На круглом лице Барни застыла радужная улыбка, а в глубине его карих глаз зритель различил отблеск непреложного и холодного интеллекта. Хотя с другой стороны, возможно, это был лишь оптический обман зрения или иллюзия разыгравшегося воображения.

– Оставить в покое... – вновь, но гораздо медленнее, почти по слогам повторил Твигл, глядя на фигурку монстра.

Подобное повторение его слов, показалась Стэнли издевательским, хотя, возможно, со стороны самого Барни, это была очередная глупая попытка показаться забавным.

Стэнли, не подав виду о своем раздражении, пожал плечами.

– Никак не думал, что подобные слова разбудят в тебе искреннюю радость. Когда я говорил их, то пытался придать им нотку удрученности, но ты даже в этом случае воспринял сказанное мной на смех.

– Признайся, ты шутишь, правда? – Твигл дружески похлопал по плечу зрителя. – Не воспринимай все так близко к сердцу. Ты же меня знаешь, – принялся оправдываться Барни. – Вечно я все превращаю в шутку. Таким образом, я просто пытаюсь уберечь свою нервную систему от суровой повседневной реальности. – Все в порядке, друг?

Стэнли кивнул.

– Ладно, я не держу на тебя зла, просто никак не могу привыкнуть к твоей ненормальной манере общения. Ни этот спор первый и готов побиться об заклад, что не последний.

– Точно!.. видишь, ты меня хорошо знаешь.

Оба посмеялись, а все переживания, возникшие в процессе диалога, сами собой рассеялись.

Порой становится удивительно, как быстро меняется мнение о человеке, стоит ему только на мгновение спрятать упрямство и признаться в своих слабостях. Испокон веков подобные абстрактные понятия, как самоуважение и достоинство, при чрезмерной гиперактивности приводили к войнам и самоуничтожению. Ошибочное мнение каждого из нас, что я единственное важное звено в цепочке жизни, является только собственной иллюзией и ничем больше.

Начиная с того времени, как Стэнли вступил в диалог с Барни, он впервые за двадцать минут почувствовал расслабление. Твигл не признал правоты зрителя и тем более не собирався отречься от своего мировоззрения. Но приняв нейтралитет, Барни тем самым не позволил хорошим отношениям, между ним и Стэнли, безвозвратно сгинуть в пучине призрания и недопонимания.

* * *

Скот вошел в свой кабинет и, закрыв дверь, уперся в нее лбом, ощутив при этом прохладу от лакированной поверхности, щедро покрывавшей древесину. Постояв так какое-то время, он, почувствовав легкую усталость в ногах, решил проследовать к широкому креслу, по внешнему виду больше напоминающее диван. Скот, попутно бросая на столик – со стеклянной поверхностью – стопку отчетности, опустился на мягкую поверхность и, расслабившись, облокотился на спинку.

Обмякший ученый, увидев, что на мониторе включена заставка в виде аквариума с разноцветными рыбками, и осознав, что вычислительное устройство включено, тот час вскочил с кресла и подошел к компьютеру. Легким прикосновением руки к манипулятору, он непро-

извольно убрал заставку. Но когда увидел посередине экрана табло, в которое нужно вбивать пароль, честно говоря, немного разочаровался, что поспешил встать с мягкого места.

Скот присел на специальный стул с регулируемыми настройками высоты и наклона спинки. Ему не удалось сходу вспомнить длинный пароль. Он медленно нагнулся и заглянул под монитор компьютера. Под нижней панелью он отодвинул пластиковый затвор и прямо перед его глазами, хотя и вверх тормашками, появился тридцатизначный код.

Вернувшись в исходное положение, он ввел секретный пароль.

Теперь, когда вход в систему осуществился, его пальцы ловко пробежали по клавишам, вызывая диалоговое окно с готовыми бланками документации. В этом масштабном перечне, из более чем трехсот тысяч готовых форм, Скот выбрал одну единственную, с названием: «когнитивная деятельность», относящуюся именно к его исследованиям. Он был в нетерпении поскорее занести новые данные, так как все показатели имели для него особую ценность, ведь они способствовали его дальнейшему продвижению по карьерной лестнице. И все то время, пока Барни не было рядом, Дункан, закончив заносить новые показатели, решил наскоро составить оправдательное письмо.

Быстро, вышесказанное, ему выполнить не удалось. Он еще долго сидел, размышляя над последними строчками, подводившими прямой итог его объяснению.

Скот совсем не хотел подставлять своего напарника, ведь каким бы разгильдяем Твигл ему не представлялся, все же без него, ему будет куда сложнее проводить рутинные тесты и выявлять из множества несущественных аспектов на самом деле достоверные факты в поведении насекомого.

Возможно, подобное занятие, в конце концов, наскучило Дункану, а может к нему действительно пришло озарение, как бы там ни было, он быстро смог сочинить подходящие фразы. Свалив все на необъяснимые инстинкты животного, красноречиво закончил предложение словами: «Неоспоримый факт». После сделанной работы Скот почувствовал прилив сил от того, что сам смог убедиться, что в случае необходимости может добиться желаемого результата.

– Все, что смог – с тем, что есть, – как бы цитируя кем-то давно сказанные слова, вслух произнес он.

Как Скот не старался скрыть от самого себя восхищение своим талантам, у него это не получилось.

Вполне довольный собой, он поднялся с комфортного стула и подошел к занавешенному шторкой – из пластиковых пластинок – необычно узкому и продолговатому окну, разделенному посередине на две равные секции. Не возложив на себя трудность, раскрыть жалюзи, он лишь указательным и большим пальцами раздвинул пластинки и через образовавшуюся щель заглянул в вольерную. Главным образом внимание Дункана было сосредоточено на аквариуме, внушительных размеров, значившемся под цифрой восемь. Возле стеклянной клетки Скот застал прощальную сцену. Стэнли и Барни, пожав друг другу руки и пожелав удачного завершения дня, разошлись в противоположные стороны.

Откинув от себя постепенно находящее раздражение о недавней проделке Барни, Скот повернулся к входной двери и, скрестив на груди руки, принялся ожидать напарника. Тот, в свою очередь, не заставил себя долго ждать, и уже через пару минут, войдя в кабинет Дункана, закрывал за собой дверь. У самого Барни не было собственного кабинета, так же как и не было индивидуальных проектов, с которыми бы он работал. Он никогда самостоятельно не осуществлял поставленных мероприятий, а лишь только в них участвовал.

Барни тяжело вздохнув, прошел от двери к кресло-дивану. Минувя центр комнаты, он не заметил на себе пристальный взгляд Дункана, однако таковой имел место быть. Плюхнувшись в кресло, Твигл поймал себя на мысли: «Как все же приятно находиться в уютной обстановке кабинета, даже если он не твой собственный. Главное, что бы не в вольерной, окруженным со всех сторон множеством отвратительных тварей». Даже не проявляя и малейшего беспокой-

ства по поводу подозрительного молчания напарника, Барни взял со стеклянного столика кипу отчетности и принялся быстро перелистывать страницы, будто и в самом деле был в чем-то заинтересован и это что-то искал.

Хотя, кто его знает... такой человек, как он, является весьма непредсказуемой личностью.

Несмотря на хорошо симитированную внимательность Барни к полученным данным, Скот все же позволил себе отвлечь его внимание вопросом:

– Что тебе сказал Стэнли? Небось, опять рассказывал про инцидент с гигантской анакондой?

– Я эту историю уже не одну сотню раз слышал, – явно преувеличивая, усмехнулся Твигл.

– Тогда что же? Вы долго с ним беседовали, – заключил Дункан, опираясь на время, потраченное для заполнения документов и составления объяснительного письма.

– Вероятно, вы с ним сговорились. – Твигл оторвал взгляд от многостраничной брошюры. – Он, так же как и ты, обеспокоен безопасностью граждан. Еще эти его странные слова: «Оставить в покое...»

– Что это значит? – удивленно осведомился Скот.

– Он говорит, что нам надо оставить их в покое, иначе... ну ты и сам понимаешь, что...

Пока Твигл продолжал разглядывать страницу за страницей, Скот, присев на комфортабельный стул и почесывая выбритый до блеска подбородок, серьезно задумался над словами смотрящего. Незаметно для обоих, пролетело пятнадцать минут. Скот Дункан пришел в себя от шлепка небрежно брошенной на стол рукописи с показателями. Подобное действие подогрело череду импульсов в нервных окончаниях Дункана, и он, в свою очередь, хотел было, как следует выругаться в адрес незадачливого компаньона, но Твигл, задав вопрос, тем самым не позволил совершить ему подобную глупость.

– Как собираешься провести выходные?

Вопрос был вызван, чистой воды, любопытством, а не в стремлении быть в курсе жизненных интересов напарника. Как правило, ответы на подобные вопросы Барни Твигл забывал уже спустя несколько секунд, после того, как их получал.

– Поеду загород, – моментально ответил Дункан.

– На дачу, один?

– Нет... с семьей.

Барни потянулся в кресло-диване.

– Я тоже как-то хотел остепениться, но понял, что в семейной жизни нет ничего хорошего.

– Отчего же. Семья – это все, что нужно человеку в жизни.

– Только не мне, – вновь, но уже не так сильно, потянулся Твигл.

Только из-за вежливости, но никак не по заинтересованности, Скот спросил:

– А ты, что намерен делать?

– Проведу несколько деньков в одном из самых лучших отелей нашего с тобой города.

Понимая, что речь идет о Нью-Йорке, Дункан предположил:

– Плаза?

– Она самая, – улыбнулся Твигл, а после, сделав серьезный вид, добавил: – Есть там кое-какие дела.

«Понятно», – подумал Скот, не придавая высокого значения сказанному.

* * *

Время шло своим чередом и с приходом вечера все работники медицинского учреждения собирались, по крайней мере, на ближайшие пять дней покинуть, ставшее вторым домом,

место работы. Барни первым откланялся из кабинета Дункана. Скот же решил немного задержаться. Твигл, перед тем, как закрыть за собой дверь, сообщил Дункану, что отправляется в свою комнату – собирать вещи. Однако Барни до нее так и не дошел. Примерно на полпути, он, явно замысливая что-то недоброе, незаметно для окружающих свернул к лестничной площадке, ведущей только в подвальные помещения с коммуникациями.

Поскольку помещение было сугубо функциональным, не было необходимости украшать подобное место. Красочно измаленные стены выглядели бы здесь весьма глупо. В узком проходе, вдоль потолка и стен, тянулись широкие трубы, в некоторых, судя по звуку, текла вода, в других же, насколько знал сам Барни, таились высоковольтные провода. Неумный ученый, периодически оглядываясь назад, шел к намеченному месту, находящемуся во второй половине подвала многоэтажного корпуса.

Остановившись напротив железной двери, покрашенной в черный цвет, Твигл достал ключ, раздвоенный на конце, и сунул его в замочную скважину. Сразу же послышался щелчок, а сама дверь, отстранившись от косяка, немного приоткрылась. Оказавшись внутри тесной комнатки с металлическим шкафом, скамьями вдоль стен и столом, расположенным по центру, Барни уселся на одну из скамеек и принялся ждать своего часа.

Скот Дункан, выключив компьютер и свет, вышел из кабинета. Он быстро добрался до своей спальни и, войдя внутрь, принялся собираться в дорогу. Упаковав чемодан, Скот, не намереваясь дожить до напарника, покинув спальню, отправился к выходу из медицинского здания.

Минуя пост охраны, он приметил Стэнли, провожающего кого-то из своих родственников. Взглянув в – горизонтально расположенные – широкие окна второго автобуса, еще не отправившегося в путь, Дункан спросил:

– А что, Барни уже уехал?

В ответ смотритель лишь недоуменно пожал плечами.

– Я думал, вы вместе.

– Нет, он ушел раньше меня, а я немного задержался и посчитал, что мы впоследствии встретимся у автобуса.

Стэнли опять пожал плечами и произнес:

– Ну, вы же с ним в Нью-Йорке живете?

– Да.

– Вот в самолете и встретитесь. Не переживай ты за него так, он сам может о себе позаботиться.

– Да я не о нем переживаю, а о нашем с ним проекте. Боюсь, что в случае каких-нибудь казусов, работу передадут другой группе.

– Не дрефь, – буркнул смотритель, слегка похлопав ученого по спине и постепенно удаляясь от Дункана, растворился в глубине широкого коридора медицинского корпуса.

Вторая партия медицинских работников, включая Дункана, повинуясь жесту водителя, поспешно загрузилась в автобус. Каждый устроился, как мог. Кто-то, наклонив спинку сиденья, лежал и читал книгу, спустя несколько минут некоторые уже посапывали, а кто-то просто сидел напротив окна и скучно смотрел на глинистые валуны, мелькающие друг за другом, пока пустынный пейзаж не сменился зеленым настилом и карликовыми пальмами.

Впервые за период совместной работы, Скот и Барни отправились домой порознь. Подобное весьма тревожило Дункана. По непонятной самому Дункану причине, он был уверен, что и в самолете ему не встретить своего неумолимого компаньона.

Откинувшись на сиденье и глядя в потолок, Скот задумался и совершенно не заметил, как заснул. Ранее он никогда не засыпал в автобусе и поэтому, когда водитель разбудил Дункана, тряся его за плечо, Скот почувствовал легкую дезориентацию.

– Сэр, ваш самолет скоро отбывает, – с испанским акцентом произнес Пабло Баррейро.

Именно такое имя было написано на табличке, тыкающейся в глаз Дункану и прикрепленной к форменной ветровке водителя автобуса, закрывающего над ученым распахнутое окно.

Наконец-то покинув душный автобус и пройдя в аэропорту процедуру досмотра, Скот, по пути доставая из кармана билет, отправился к своей посадочной площадке с, казалось бы, уже символической, все той же цифрой восемь.

Показав служащему аэропорта посадочный талон, он проследовал в самолет, тот, в свою очередь, был уже битком набит галдящими пассажирами. Закинув чемодан на полку – над своим сиденьем, Скот присел и на мгновение расслабился, как вдруг, прозвучавшие в голове слова зрителя Стэнли, встревожили его разум: «В самолете встретитесь».

Скот привстал и осмотрел салон. Вспомнив, какое предназначалось место напарнику, он направился к нему. Подойдя ближе, из-за высокой спинки, он, не разглядев толком пассажира, решил застать компаньона врасплох.

– Вот ты где! – выкрикнул он прямо в ухо сидевшей там мадам.

Он никак не ожидал увидеть перед собой смуглое, морщинистое лицо старой мексиканки – с выпученными, как пятаки глазами, и поэтому, резко отстранившись назад, задел и чуть не сбил с ног проходившую мимо стюардессу. Все еще находясь в шоке, он принялся извиняться перед обеими. В ответ стюардесса лишь кивнула и попросила его вернуться на свое место, а старая мексиканка, выражаясь на своем языке явно в оскорбительной форме, принялась доставать из сумочки успокоительные таблетки.

Стюардесса проводила Дункана до посадочного места и вежливо попросила пристегнуть ремни, аргументируя свою просьбу скорым отправлением. Скот послушно выполнил указание.

– Извините, – сказал он, обращаясь к весьма привлекательной девушке, похоже, что местной национальности, которая к тому же неплохо говорила по-английски.

– Я вас слушаю, – вновь вежливо произнесла миловидная стюардесса.

– Со мной должен был лететь знакомый, но я его не нашел.

– Какое у него место посадки.

Скот неловко улыбнулся и, указывая жестом руки наискосок вперед, произнес:

– Именно то, где сидит вон та пожилая синьора.

Стюардесса в ответ мило улыбнулась и произнесла:

– Я сейчас уточню эту информацию по электронному журналу и, после взлета, сообщу Вам о результатах. Хорошо?

– Да, спасибо.

Спустя несколько минут раздался характерный сигнал, а после, на нескольких языках прозвучало сообщение о том, что компания, которой принадлежит самолет, благодарит пассажиров за то, что все присутствующие на борту воспользовались именно их услугой комфортабельной «воздушной перевозки».

По обеим сторонам пассажирского самолета загудели мощные турбины. Вмиг набрав высокие обороты, воздушное судно, уже заранее выведенное на взлетную площадку, сперва чуть ускорившись, начало разгоняться. Постепенно ускорение возрастало и вот появилось странное чувство усиленного притяжения за счет высокого разгона крупной железной птицы. Когда самолет набрал определенную высоту, ускорение поубавилось, и можно было вздохнуть спокойно и даже отстегнуть ремни.

Откуда-то с хвостовой части появилась та самая стюардесса. Скот припомнил, что в последний раз, когда ее видел, то взглядом проводил ее изящную талию в направлении кабины пилотов. Каким-то загадочным образом, не попавшись ему на глаза, ей удалось незаметно проскользнуть в хвостовую часть самолета.

– Извините, – обратилась стюардесса к Дункану. – Вашего друга нет на борту нашего самолета. Возможно, он полетел другим рейсом.

– Но как это может быть, мы...

– Как указано в журнале, мистер Твигл должен был лететь на этом самолете и именно то самое место, где сейчас сидит пожилая синьора, предназначалось ему, но, в последний момент, он поменял свой билет на более поздний рейс.

От услышанного, у Дункана (фигурально выражаясь) отвисла челюсть почти до самого пола.

– С вами все в порядке? – поинтересовалась доброжелательная стюардесса.

– Да... Да, все нормально не беспокойтесь.

– Если вам еще что-то понадобится нажмите на вон ту зеленую кнопку с изображением человечка.

– Да. Спасибо. Хорошо.

Стюардесса кивнула и удалилась, а Скот так и продолжал, до самой посадки, пытаться понять необъяснимое поведение своего ненормального компаньона.

Глава 2

«Жизнь не имеет границ». Именно этими словами руководствовался Твигл, покидая подвал и направляясь к паучьему «аквариуму». «Безграничная жизнь и никакой ответственности, вот что мне надо, – думал Барни. – Среди животных побеждает сильнейший, а среди людей – умнейший». Воодушевившись напутствиями, он решительно вознамерился совершить задуманное.

Тем временем Стэнли, совершенно не озабоченный происходящим в вольерной, развалился в кресле и, закинув ноги на стул, внимательно изучал – в популярном мужском мексиканском журнале – интимные, анатомические подробности позирующих синьор. Полноценно сосредоточившись на недальновидной литературе, он, забыв о своих обязанностях, абсолютно перестал хоть изредка посматривать на экраны мониторов видеонаблюдения.

Барни отлично знал психологию Стэнли и чем тот занимается в период отсутствия всего персонала. Он украдкой пересек центр вольерной. Приблизившись к стальной двери, которая примыкала к стеклянной клетке с насекомым, ученый достал из кармана необходимый ключ и проник внутрь. Имея в своем распоряжении все необходимые ключи и коды, корыстный ученый без особых трудностей пробрался в стеклянный вольер с кристаллизированным существом.

Как будто из неоткуда возникший в руке Барни стальной молоточек, указывал на его недобрые намерения. Ученый, остерегаясь подножных препятствий, сделал пару неловких шагов к неподвижному монстру. Скромный, мутноватый отблеск синевы отразился на боковой части молотка. К счастью ученого, очистная система уничтожала все результаты жизнедеятельности паука и ни паутины, ни жележных отложений в стеклянном прямоугольнике не присутствовало.

Убедившись, что все пространство вокруг него относительно безопасно, Твигл наклонился, чтобы отколоть небольшой кусочек задней конечности твари. Тяжелый вес собственного тела подвел Барни. Перед тем, как встать на колено, он уперся ладонью в импровизированную насыпь камней, та, в свою очередь, захрустев, развалилась на фрагменты. Твигл пошатнулся и, не удержав равновесие, расстелился по щебневой поверхности вольера. Проклиная свою работу, он, встав на четвереньки, почувствовал резкую боль в области бицепса. Посмотрев на свою руку, ученый увидел рваную полосу рубашки и кровоточащую под ней рану. Сам он в этот момент находился на критическом расстоянии от паука.

Нащупав ладонью, среди мелких камней, свой инструмент, Твигл собираясь совершить целевое мероприятие, помедлил, заметив один неутешительный нюанс. Прямо на сгибе задней конечности монстра, он узнал до боли знакомый клочок своей рубашки. В мыслях многократно выругавшись, Барни почувствовал, как его охватило чувство безысходности. В отчаянии, не зная как дальше быть, запаниковавший ученый выронил молоток и схватился за голову. «Думай, думай, думай» – мысленно повторял он сам себе.

Наконец, перейдя к какому-то решению, Твигл все же решил довести начатое им дело до логического конца. Вновь нащупав молоток, он, небрежно схватив его, устремился к кончику лапки твари. Несколько аккуратных движений и дело сделано. Погрузив фрагмент конечности монстра в резиновую перчатку, Барни сунул ее в карман и вышел из вольера, а потом, заперев стальную дверь, быстрым шагом преодолел открытое пространство.

Минуя два лестничных пролета и несколько длинных коридоров с множеством дверей, Барни остановился. Сунув раненную руку в карман, он вынул очередной ключ, с помощью которого незамедлительно отворил дверь. Войдя в кабинет Дункана, взмокший мужчина устремился к металлическому ящику – сейфу с «полуфабрикатами», стоявшему в углу. Вспоминать секретную комбинацию долго не потребовалось. Быстрыми движениями, хоть и толстыми, зато

ловкими пальцами, Твигл расправился с шифром. Когда створка отварилась, сейф зашипел, а из его утробы вырвалось беловатое облако освежающей прохлады.

После того, как морозная дымка рассеялась, перед лицом Барни показалось несколько, выстроенных в ряд, идентичных размеров, небольших ампул с мутно-синей жидкостью. Проясновав большим пальцем по их названиям, справа налево, взгляд ученого остановился на последнем сосуде – с интригующим названием: «опытный образец». Вытерев со лба пот ладонью левой руки, Твигл вынул ампулу из своего гнездышка и, прихватив с полки шприц, присел на кресло-диван.

После сделанной им инъекции, одолевавший его нестерпимый жар постепенно начал сходиться на нет. Почувствовав себя значительно лучше, Барни, расслабившись, облокотился на мягкую спинку кресла. Он свято верил, что вакцина поможет ему избежать страшной участи, ведь опыты на животных четко демонстрировали, что вакцина действенна, если вовремя ее применить.

Жаль только, что Барни не учел тот факт, что у животных, тем более крупных, иммунная система зачастую куда сильнее, чем изнеженная – человеческая.

Окончательно восстановившись, Твигл поднялся с кресла и положил на стеклянный стол резиновую перчатку с опасным содержимым. Вывалив кристаллик на поверхность стола, он чиркнул зажигалкой и, помедлив, оглядел комнату в поисках чего-то наподобие аэрозоля. Не обнаружив ничего подходящего, начинающий «вандал» разорвал кипу, лежавшей рядом, документации и поджог измятые листы.

Импровизированный наскоро, костер разгорелся, а Барни, воспользовавшись резиновой перчаткой, переместил кусочек кристалла в центр пламени и уже через несколько минут он вынул, из почерневших остатков сгоревшей бумаги, получившийся идеальный алмаз. Смертоносное вещество под воздействием высокой температуры изменило свои физические свойства, посредством химических процессов.

Немного отодвинув жалюзи, Твигл, теперь уже бесстрашно держа в руке камень, поднял его перед окном. Насладившись игрой дифракции света, довольный и позабывший о неприятности ученый подбросил камешек в воздух, а затем, ловко поймав его, спрятал в карман.

Оставив все как есть, Барни поспешно удалился из кабинета Дункана и, вновь преодолев два лестничных пролета, спустился в вольерную. Притаившись за углом, ученый взглянул на часы. «Как раз вовремя», – подумал Твигл, и резко выглянув из временного укрытия, оценил обстановку.

Намечалась смена караула.

В поле зрения появился зевающий Стэнли. Он направлялся к охранному посту, который, в свою очередь, располагался непосредственно перед самым выходом наружу.

«Молодец Стэнли, – подумал ученый, украдкой выглядывающий из-за угла. – Не усидел на своем месте, кофейку захотелось?»

Смотритель приблизился к охранной будке и дернул за ручку двери. Плотной запертой стальной конструкцией с прорезиненной каймой даже не брякнула, и тогда Стэнли постучал в окно.

– Мигель, открой... – громогласно разнеслось даже по вольерной.

От неожиданности, Барни отстранился назад, но потом вновь высунулся.

Дверь охранной будки отварила, и на пороге появился уса́тый, худощавый мужчина мексиканской внешности. В своей большой руке он сжимал национальную газету с последними новостями.

Как обычно, в одно и то же время, Стэнли с Мигелем, не дожидаясь сменщика, халатно оставляя входной пост, уходили в комнату дежурного, а уже оттуда Стэнли возвращался с другим охранником.

Когда в коридоре стало тихо, Барни, не спеша, передвигаясь вдоль стены, вылез из укрытия. Практически вплотную прижимаясь к стеклам вольеров, ученый двигался медленно и почти беззвучно. Оказавшись напротив последней стеклянной клетки, Твигл остановился и прислушался. Через мгновение он решил продолжить передвижение, но случайный взгляд, брошенный в вольер, уловил небольшое создание и заставил Барни задержаться на месте еще на какое-то время.

Не более чем в пятнадцати сантиметрах от него, даже не моргая своими черными глазами-бусинками, сидела оскалившаяся серая крыса. Ранее Твигл никогда не уделял и секунды своего внимания другим питомцам. Оскалившийся зверек выглядел весьма странным образом. Особое внимание привлекали, примерно четырехсантиметровые, тонкие, как иглы и заостренные на концах, клыки. Невольно у Барни сложилось впечатление, будто кто-то приладил в пасть крысе две кости с ребра большой рыбы.

«Тоже мне загадка природы», – подумал Барни и двинулся дальше. Как только он подался вперед, крыса с молниеносной скоростью ударилась об толстое стекло, оставив на нем размазанный красный след крови. Барни от неожиданности испугался и ускорил шаг.

Не теряя времени попусту, Твигл, на полусогнутых в коленях ногах, подбежал к входной двери и достал из кармана пластиковую карточку. Сунув прямоугольную пластинку в специальную щель, он резким движением отвел руку в сторону. Красный светодиодный сигнализатор продолжал исправно гореть. Немного подождав, Барни повторил попытку.

Она оказалась успешной.

Красный огонек, под сопровождением звукового сигнала, сменился зеленым индикатором.

Лязгнув металлическими задвижками, дверь открылась, а Барни, оказавшись по другую сторону здания, поспешил вновь запереть ее.

* * *

Таксист одной из местных компаний, уже в сотый раз, посмотрев на часы, обошел свою машину и начал подумывать о том, чтобы поскорее убраться с запретной территории сомнительного медицинского заведения. «У этих чертовых ученых всегда куча непредвиденных обстоятельств», – подумал он, садясь на водительское сиденье и распаковывая очередную пачку сигарет «Coronas» (Коронас).

«Надо было прихватить еще пару ампул», – подумал Барни, бегущий к намеченной цели. Сам он был мужчиной плотного телосложения и поэтому в режиме изнурительной пробежки жестоко вспотел. Кружилась голова и даже немного подташнивало, но все же, он не останавливался и продолжал бежать.

Наконец-то обогнув большую скалу, примыкающую к краю дороги, Твигл, навалившись на багажник легкового такси, попытался привести свое сбившееся дыхание в норму.

Когда машина дернулась, таксист чуть не выронил сигарету из рук. Он резко повернулся назад и узнал в навалившемся толстяке ярко выраженную комплекцию клиента, обращавшего к нему неделю назад. Как следует, выругавшись на своем языке, таксист подбежал к Барни и уже на практически чистом английском промолвил:

– Синьор... синьор, что с вами?

– Какой я тебе синьор, – прохрипел задыхающийся Твигл. – Открой лучше дверь и помоги влезть в машину.

В уме называя «ученого синьора» последними словами, таксист, скрепя зубами, выполнил просьбу, не входившую в его прямые обязанности. Клиент щедро платил и, соответственно, обслуживание в этом случае требовалось хоть и не первоклассное, но уж точно необыденное.

Двигатель завелся с пол-оборота, а когда машина выехала за пределы запретной территории, впервые за последние несколько часов Твигл вздохнул свободно.

– В аэропорт «Интернасьональ де Сальтильо», пожалуйста, – дружелюбно произнес Барни.

Таксист посмотрел в зеркало заднего вида и, поймав на себе взгляд ученого, кивнув, ответил:

– Вас понял, синьор.

* * *

По прилету на родину, выйдя из аэропорта, Твигл сразу воспользовался услугами Нью-Йоркского такси. Махнув рукой, он уведомил о своем намерении, и к подъезду моментально направилась одна из желтых машин.

Водитель Нью-Йоркского такси, в котором ехал Барни, перегнувшись через руль и пытаясь разглядеть дорогу, не сказать что литературно, но, по крайней мере, с ноткой сарказма в голосе констатировал действительность:

– Дождливая июльская погода! – таксист взглянул на пассажира через зеркало заднего вида. – Что может быть лучше?

– Наверное, ноябрьская дождливая погода! – в той же манере ответил водителю Твигл.

Передвигающийся не более тридцати километров в час, желтый легковой автомобиль остановился на перекрестке под запрещающий сигнал светофора.

Ожидая зеленого сигнала, шафер пренебрежительно фыркнул:

– Могу ручаться, что в такую ужасную погоду даже самый никудышный хозяин не выгонит свою собаку на улицу.

По мнению Барни, сам таксист был еще слишком молод для того, чтобы безошибочно что-то утверждать, хотя на вид выглядел он гораздо старше своих лет. Пока машина стояла и ждала своего момента, в шум дождя, бьющегося о металлическую крышу, вклинился скрежущий звук от когтистой лапы. Водитель такси нерешительно потянулся к ручке пассажирской двери, за стеклом которой сквозь влажную завесу виднелся лишь фонарный свет. Когда дверь открылась, в салон проник свежий, пропитанный влагой, воздух, а гулкий шум дождя, преобразившись, стал более насыщенным и четким. Сперва снаружи никого не оказалось, а когда шафер собирался захлопнуть дверь, в проеме, прямо перед его лицом, появилась удлинённая морда крупной собаки.

От неожиданности испугавшись, таксист громогласно выругался:

– Пошла вон, драная шавка!

Собака проигнорировала слова таксиста и, встав передними лапами на выступ, продолжила интенсивно махать хвостом.

Извернувшись, словно первоклассный акробат, водитель махнул ботинком перед мордой животного, сопроводив свое действие словами:

– Пошла прочь, псина!

Наверняка животное уже слышало подобное выражение, а может, просто среагировало на грубую интонацию. Спрыгнув с бортика, собака, злобно зарывав, попыталась скрыться из вида.

– Тупая скотина! – в след удаляющейся собаке выругался таксист, а когда та обернулась с оскалом на морде, живо захлопнул дверь.

Позади автомобиля раздалась прерывистая череда громких сигналов, свидетельствующая о том, что включился зеленый свет и пора ехать дальше. Другие водители, впрочем, как и этот таксист, явно нервничали.

– Сейчас... сейчас, – выкрикнул оглянувшийся назад таксист, хотя вряд ли кто-то из других водителей его слышал.

Мелькающие в голове Барни воспоминания – о пауке и последних томительных часах в дороге, растворились в небытие сразу после того, как он вошел в великолепно украшенный холл пятизвездочной гостиницы «Плаза». Не имея с собой какого-либо багажа, он сразу отправился к пункту регистрации. Пересекая центральную часть вестибюля, Твигл удивлялся тому, что снаружи сейчас такая мерзкая гнетущая погода, а внутри отеля царит уют и красота.

Почти зеркальная, светлых тонов, гранитная плитка пола отражала все золото, покрывавшее ребра продолговатых выемок в потолке и потолочные плинтуса. Светлые и золотистые тона были непосредственным атрибутом этого места. Огромная хрустальная люстра, на позолоченном основании, устрашающе нависала над слоняющимися носильщиками чемоданов и их владельцами.

Подойдя к свободной стойке консьержа, Твигл протянул удостоверение личности и сообщил, что на его имя забронирован номер. Людвиг – так звали молодого человека, сверился по компьютеру с картотекой гостиницы и, бросив на измученного мужчину подозрительный взгляд, протянул ключи от номера.

– У вас есть багаж?

– Нет, я налегке...

– Хорошо, наш дворецкий проводит Вас до вашего номера. – Щелкнув пальцами, молодой консьерж подозвал низенького старичка в именной форме, на левом кармашке которой была вышита золотыми нитями большая буква «П». – Питер, проводи нашего дорогого гостя в его апартаменты.

«Вряд ли эта буква «П» – означает Питер, скорее всего, это «Плаза». Интересное совпадение», – думал Твигл, поднимаясь в лифте вместе с низкорослым старичком.

Барни, резво войдя в ярко освещенную комнату, первым делом устремился к большой двуспальной кровати. Подобное ложе как раз подходило для его мощной комплекции.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил дворецкий.

Твигл уставился на старичка своим недоуменным взглядом.

– Я проделал нешуточное расстояние на пути сюда! – прошипел ученый. – Конечно, мне что-то нужно! Мне нужно: как следует поесть! – Перечислив ряд пожеланий, относительно намечающейся трапезы, Барни насмешливо добавил: – И поторопитесь там, если не хотите испытать на себе ярость голодного борца «Сумо».

– Сию минуту все будет исполнено, – вежливо, хриплым голосом, произнес старичок и поспешно скрылся за дверью.

Взгляд Барни – исподлобья – остановился на спинке ложа, в глаза первым делом бросались изящные, причудливые лакированные узоры, окантовывающие спинку. На окнах висели снежно белые занавески и шелковые, шоколадного цвета, шторы. «Отличный номер», – про себя отметил Барни.

Когда в дверь постучали, Твигл уже успел привести себя в порядок, он побрился и, расчесав, аккуратно уложил длинные волосы. Находясь в ванной, он не спешил открывать, его намерением было облачиться в шикарный костюм, чтобы после плотного ужина спуститься в бар и отметить удачное дельце.

Входя в комнату, Барни еще не видя еды, уже почувствовал ее аппетитный запах. Немного ранее прозорливый дворецкий, воспользовавшись дубликатом ключа, открыл дверь и завез тележку с пищей, а после, не смея тревожить нынешнего владельца номера, незамедлительно удалился прочь.

«Однако, сообразительный лакей», – хваля старичка, подумал Барни, хватаясь одной рукой за идеально прожаренный окорок, а другой за стакан с апельсиновым соком.

Примерно через пятнадцать минут вся разнообразная, отнюдь не вегетарианская пища, была практически полностью поглощена. Лишь на некоторых из тарелок оставались лежать косточки – признаки, когда-то присутствующей на них, обильной пищи. Сам Барни уже и не помнил, когда в последний раз так наедался. Честно говоря, он никогда не наедался, а может просто этого не помнил, ведь, как известно, все хорошее быстро забывается.

Закончив с чревоугодничеством, Барни, помыв с мылом засаленные руки, посмотрелся в большое зеркало и довольно отметил, что абсолютно не заляпался.

«Истинный профессионал», – мысленно похвалил он сам себя.

Широко вышагивая по красной ковровой дорожке с золотыми бортиками, Твигл, преодолев большую часть коридора, остановился у одного из лифтов. Менее чем через пять секунд прозвучал звонкий сигнал и изысканно украшенные створки разошлись в стороны. В лифте стоял, в стойке смирно, уже знакомый Барни, низкорослый дворецкий.

Твигл вошел внутрь, а когда створки сомкнулись, прозвучал хриплый голос старичка:

– Куда вам, сэр?

– В бар, пожалуйста.

– Сию минуту, сэр.

Дворецкий нажал блестящую – серебряного цвета – кнопку, и лифт мягко проследовал вниз.

Лифт остановился на заданном этаже, створки вновь разъехались в стороны, а когда Барни вышел, дворецкий со всем уважением обратился к нему с вопросом:

– Вы хорошо поужинали, сэр?

Твигл удивленно посмотрел на старичка.

– Да, Питер, спасибо. Прибери там все, как следует!

Дворецкий нажал на серебристую кнопку и перед тем, как створки лифта вновь сошлись вместе, произнес:

– Как вам будет угодно, сэр.

«Похоже, что старик рассчитывал на чаевые, – подумал Барни, сидя за стаканчиком мартины со льдом. – Ладно, я ему заплачу, когда проверну дельце».

Единственное, что уже в течение двух часов удерживало Барни от желания вернуться в номер, была договоренность встретиться с перекупщиком драгоценностей и огромное желание поскорее сбавить ему, добытый с большими усилиями, увесистый кусок алмаза.

В целом, Барни отлично справился со своей задачей, не считая случайного ранения, но судя по самочувствию, вакцина обезвредила Частицы. Теперь же оставалось дело за малым. Продать камешек и убраться куда-нибудь на юг Италии или Франции и жить там, как душе угодно. Твигл был бы счастлив поскорее все закончить, но время натужно тянулось. Скупщик на самом деле не опаздывал к назначенному времени, просто Барни, из-за нетерпения, не смог сидеть в номере и дожидаться там ответственного момента.

В баре звучала приятная мелодичная музыка. Как раз способствующая долгожданному расслаблению, и даже взволнованный Твигл поддался ее успокоительному тону.

В это время суток в баре было не многолюдно, всего несколько человек, находившихся вдали от стойки, но зато вблизи от окон. Позади расквасившегося ученого послышались чьи-то приближающиеся шаги. Барни не реагировал на звуки поступи, ученый посчитал, что ему это просто кажется. Шаги все приближались, а Барни, положив подбородок на ладонь упертой в столешницу руки, продолжал наслаждаться мелодичным, гипнотическим мотивом волшебной композиции.

– Мистер Твигл?.. Если я не ошибаюсь – Вы Барни Твигл?

Барни неохотно повернул голову в сторону, усаживающегося рядом с ним, незнакомого человека.

– Все зависит от того, кто Вы... и по какому вопросу ко мне обращаетесь. – Ученый, недоверчиво прищутив глаз, изучая, осмотрел прибывшего мужчину. – Кто ты такой... и что тебе от меня надо. У меня здесь намечена встреча... так что, отв...

Пока Барни произносил последнее предложение, прибывший человек, глядя на него, натянуто усмехнулся и преднамеренно перебил:

– Я от Брантнера. Меня зовут Карлайн. Мэтью Карлайн. Вы привезли с собой товар?

– Да, – кратко ответил Твигл.

– Тогда, если Вы не против, я хотел бы поскорее закончить с этим.

– Я тоже, – согласился ученый. – Только почему Брантнер сам не явился на встречу? Он хотя бы мог предупредить меня, что пошлет кого-то.

– Мой шеф очень осторожен. Ему известно, что гостиничные телефоны прослушиваются полицией.

– Да-а?! – удивился Барни.

– Да, это правда, – произнес Мэтью. – У Брантнера есть свои люди в полиции, которые обеспечивают его информацией. В свое время он подстраховался, заведя подобных знакомых. Именно поэтому, в преступных кругах, его знают под кличкой: «Неуловимый».

Подобная откровенность Карлайна – удивила Барни, но, несмотря на это, все что сказал Мэтью, не имело под собой абсолютно не малейшего компромата. Это была всего лишь нейтральная информация, и именно поэтому Карлайн так легко ее выдал.

– Ты меня убедил, – произнес Барни, чуть улыбнувшись ожидающему ответа Мэтью. Допив спиртное, он добавил: – Пойдем в мой номер. У меня для твоего шефа кое-что есть.

Барни, находясь впереди Мэтью, цокая каблуками лакированных черных туфель по гранитному полу, направлялся к лифту. Карлайн, в свою очередь, неотрывно следовал за грузным ученым. После нажатия кнопки вызова, створки лифта мгновенно открылись, внутри лифтовой кабины никого не было. Барни не собирался тратить время на поиски дворцового или лифтера и решил самостоятельно воспользоваться вертикальным транспортером. Когда двое вошли, Твигл нажал на серебристую кнопку своего этажа. Пока лифт поднимался, Барни, вопреки своей фигуре, сумел разглядеть в правой руке Карлайна небольшой кейс, черного цвета. «Как странно, почему я его раньше не заметил», – подумал Твигл.

– Я надеюсь, это, то о чем я думаю, – произнес Барни, указывая на ношу Карлайна.

– Нет, это просто кейс, – неумело попытался пошутить нервничавший Мэтью.

– А где же тогда?..

– Тише, – в ответ шикнул ему мужчина с кейсом. – Лифты в отеле тоже прослушиваются. Оставшуюся часть пути, вплоть до самого номера, мужчины провели молча.

– Дьявол, как же я устал за сегодня, – хрипло произнес Барни, уже заперев входную дверь и проходя в центр комнаты. Изначально он собирался сходить в ванную комнату но, оказавшись возле кровати, резко поменял направление, тем самым спонтанно изменив свое прежнее намерение.

Мэтью стоял неподалеку и все также крепко продолжал сжимать в руке ручку кожаного кейса.

– Я хотел бы увидеть камень, – выдвинул он свое требование с четко заметной ноткой раздражения в голосе.

– Секундочку, – натужно проговорил Барни. – Я себя не очень хорошо чувствую.

«Меньше жрать надо, увалень», – подумал Мэтью.

Тело толстяка заметно маялось в одышке.

– Может это от переедания? – ненавязчиво предположил Карлайн. – Советую обратиться к диетологу.

– Дело ни в этом, – раздраженно фыркнул Твигл. – Просто у меня не правильный обмен веществ.

– Ладно, честно говоря, меня это не очень интересует. Так мы будем совершать сделку, или Вы передумали? – Чтобы произвести большее впечатление, Карлайн подошел к входной двери и потянулся к ручке. Обернувшись, он добавил: – Если у Вас нет камня, я уйду.

– Постой... постой, – прохрипел корчащийся Барни. На его широком лбу проступила испарина, а лицо и руки стали нездорового красного цвета. – У меня все есть, не уходи. – Ученый вынул небольшой тряпичный сверток, из внутреннего кармана своего пиджака. – Вот... вот то, что нужно Брантнеру. – Барни положил сверток на трельяж, стоявший возле кровати.

Мэтью, не заставив себя долго ждать, поспешил к свертку. Одной рукой расправившись с незатейливым узелком, он вынул содержимое и поднял перед собой. Приглядевшись изучающим взглядом, Карлайн оценил многогранность дифракции света и положил кожаный кейс поверх, валяющейся на столешнице, тряпицы. Затем достал из кармана небольшой футляр и, вынув из него спектроскоп, начал скрупулезно рассматривать камень.

Примерно после пяти минут тщательного визуального анализа он огласил вердикт:

– Идеальный минерал. Не знаю, чем вы там занимаетесь в своем медицинском центре – в Мексике, но камень просто очаровательный.

– Тебе и не положено это знать, – более мягким голосом произнес Твигл, наконец-то оправившийся от приступа боли. – Теперь – деньги, – напомнил Барни сияющему от радости Мэтью.

Карлайн, рассовав по карманам драгоценный камень и спектроскоп, подступился к кейсу и, щелкнув затворами, раскрыл его настолько, насколько это было возможно сделать.

Взглянув в глаза, пристально смотревшего на него ученого, он произнес:

– Здесь все, как говорится, до последнего цента. Как и было условлено: в каждой пачке сумма по десять тысяч, столетними купюрами.

– Это я сам проверю, – резким тоном процедил Барни. – А ты пока сядь в кресло и подожди. Уйдешь только тогда, когда я закончу, и не дай бог там не будет хватать, фигурально выражаясь, хотя бы цента.

Мэтью не решился перечить крупному, в прямом смысле этого слова, человеку и послушно выполнил указание. Как можно удобней усевшись в кресло, он закинул ногу на ногу и принялся терпеливо ждать конца пересчета. Он совершенно не волновался, так как точно знал, что в кейсе абсолютно вся сумма. Не меньше, но и не больше условленной.

Барни внимательно пересчитал пачки с новенькими зелеными банкнотами, а затем, произвольно взяв одну из них, внимательно перебирая одну за другой, осуществил количественный пересчет купюр.

– Все верно, – наконец произнес воодушевленный, но не вполне удовлетворенный ученый.

– Хорошо, – промолвил Мэтью. – Потому что мне уже давно пора идти. Бос будет беспокоиться.

– Скажи спасибо, что у меня нет счетной машинки, – ухмыльнулся Твигл. – Иначе, я бы каждую пачку пересчитал.

Карлайн поджал губы, а затем, натужно чмокнув ими, произнес:

– Ладно, я пойду. – По выражению лица и бегающим глазам можно было утверждать, что приспешник Брантнера явно нервничал. Когда он повернулся к двери и потянулся к ручке, грубый голос остановил его намерение покинуть комнату.

– Подожди! – явно переигрывая, забористо произнес Твигл.

Карлайн от неожиданности застыл на месте, а его кисть зависла в воздухе в пяти сантиметрах от позолоченной ручки.

– Передавай привет Брантнеру, – четко выговорил ученый.

После прозвучавших слов остолевшееся тело Карлайна моментально расслабилось и он, повернувшись с умпомрачительной улыбкой, произнес:

– Конечно, передам. С вами очень приятно было работать. Прощайте.

Дверь за ним глухо захлопнулась.

– Вот жирный ублюдок... чуть не вызвал у меня сердечный приступ, – выругался Мэтью, входя в гостиничный лифт. К счастью Карлайна, Барни не слышал резких, оскорбительных слов, сказанных в его адрес. В противном случае, Мэтью вряд ли ушел бы оттуда целым и невредимым.

Спустившись на первый этаж комфортабельного отеля, Мэтью, не задерживаясь ни на секунду, устремился к выходу, чтобы как можно скорее прибыть в следующий пункт назначения и передать драгоценный камень своему хозяину.

«Прекрасная гостиница», – подумал он, напоследок взглянув на отель через стекло желтого легкового автомобиля. На верхних этажах – в некоторых окнах горел свет. За одним из таких окон находился, радующийся своему богатству, Барни Твигл, а Карлайн, в свою очередь, был рад тому, что так успешно удалось провернуть сделку и обмануть доверчивого толстяка.

* * *

После того, как Мэтью покинул пределы гостиничного номера Барни, Твигл ни на секунду не расставался с кейсом. Его озабоченность, конечно, была вызвана не самим кейсом, а, естественно, его содержимым. Этот кожаный портфель он брал с собой и в ванную комнату и даже в туалет. Казалась, вся жизнь ученого, отныне вращается вокруг этого нехитрого приспособления для переноски документации и всевозможных бумаг.

Перед тем, как лечь спать, Твигл засунул портфель с деньгами под подушку, а уже после, и сам взгромоздился на кровать. Хотя выпирающие из-под подушки прямые углы кейса вызывали не самое приятное ощущение в области шейных позвонков, зато Барни чувствовал себя более спокойно и не так сильно переживал о вероятности пропажи денег, когда проснется. На самом деле, кражи, или чего-то подобного, не могло произойти в столь интеллигентном месте, как «Плаза».

Ночью Барни проснулся от страшного жара. Все тело словно горело в адском пламени. Его внимание было рассеянным, а в глазах все кружилось и мерцало. К счастью, на столе стоял водяной фильтр с все еще прохладной водой. Барни потянулся, чтобы включить торшер, но случайно опрокинул его. При падении светильник разбился. Вернувшись к первостепенной задаче, изможденный недугом ученый, с трудом встав с кровати, налил себе живительной влаги и почти залпом выпил содержимое стакана. Затем, налив еще воды, вновь опустошил стакан.

– Господи, что со мной такое творится?! – Дыхание Барни было весьма частым и неглубоким, как будто что-то мешало ему дышать. Он так хотел сделать глубокий вдох и медленный выдох, но ему этого никак не удавалось. Вопросительные слова мольбы тоже тяжело ему дались, и он решил больше попусту не болтать с самим собой.

Взгляд Барни пал на часы, висевшие на стене, к счастью, стрелки и цифры на них были покрыты фосфором и светились в темноте.

Вскоре слабость, одолевшая Барни, заставила его вернуться в кровать. Едва упершись ладонями в край своего ложа, его руки в бессилии прогнулись в локтях, и он с грохотом растянулся на полу, предварительно ударившись лицом о мягкий край матраса.

– Дерьмо... – выругался ученый. Он хотел громогласно выкрикнуть столь мерзкое слово, но, из-за страшной боли в груди и животе, смог лишь тихонько прошептать.

Почему-то, решающая мысль Барни: позвать на помощь – пришла именно в тот момент, когда он почувствовал, что не может больше говорить. А о том, чтобы дотянуться до трубки телефона, вообще не могло быть и речи. Ноги, как и руки, больше не подчинялись приказным импульсам его мозга. Ощущение, словно легкие набиты песком, сдавливало грудь. Похоже, что тот же самый песок заполнял и остальные части его тела.

«Давай, мужик, придумай хоть что-нибудь», – в уме говорил себе Барни. Он точно знал, что одолевший его приступ как-то связан с ранением в «Де мармол бланко». Он также предполагал, что это не временно и, скорее всего, плохо для него закончится.

В течение уже трех часов Барни лежал на полу и пристально смотрел в потолок. Ни на что другое он и не мог смотреть, так как не мог повернуть голову. К счастью, на потолке было много разнообразных контурных рисунков, изучая которые, Твигл мог скоротать время и дожидаться, когда кто-нибудь придет проверить номер. Заснуть, к сожалению, ему тоже не удалось – веки, как и все остальные части тела, больше не подчинялись сигналам мозга, а спать с открытыми глазами он как-то не привык.

Твигл, лежа на полу, мог смириться с тяжелым дыханием, которое почему-то отныне производилось не им, а как-то само собой – произвольно. Барни не мог его ни остановить, ни усилить. Оно было однообразным. Единственное, что больше всего мучило ученого, были глаза. Без моргательного рефлекса они сохли и причиняли дополнительные неудобства. Хотя об элементарных удобствах, в подобном положении, можно было только лишь мечтать.

«Не припомню, чтобы Блоу упоминал о подобном протекании инкубационного периода паразита. – Подобная мысль немного приободрила ученого, хотя следующая оказалась вовсе неутешительной. – Может быть, это реакция паразита на вакцину?»

Твигл попытался моргнуть, но попытка не увенчалась успехом.

«Божественная ирония, – подумал Барни. Если бы ему была подвластна собственная мимика, он бы обязательно улыбнулся. – Только, казалось бы, жизнь выходит в новое русло, как ошибки прошлого дают о себе знать. Значит, если не хочешь пожалеть в будущем, то не следует делать сегодня что-то противозаконное, а если и делать, то с тщательной осторожностью. У человека всегда есть выбор, только у меня его уже нет, к сожалению...»

С наступлением рассвета Барни ожидал только две вещи, которые, по его мнению, могли с ним случиться: либо он погибнет от солнечного света, либо кто-нибудь из персонала гостиницы придет к нему на выручку. Время продолжало томительно тянуться, постепенно отдаляя шансы на спасение и неумолимо приближая кончину ученого.

«Черт, – подумал Твигл, лежа на полу, – где этот дворецкий? Я же просил его разбудить меня утром!» – Хотя на стене, казалось бы, совсем не далеко висели часы, вот только Твигл не мог увидеть, сколько они показывали времени, так как сделать подобное боковым зрением оказалось на деле непосильной задачей. Но судя по разливающейся по небу красной утренней зоре, он мог предположить, что время приблизительно находилось в промежутке от семи и до восьми утра.

Тишина в полумраке комнаты была разорвана резким, но умеренно громким, тройным стуком в дверь.

«Наконец-то! – в сердцах заликовал Барни и стал прислушиваться, с нетерпением ожидая скрежещущего звука в замочной скважине. Но кроме повторной череды стуков, ожидаемого – не последовало. «Чертов лакей! Надо было в тот раз дать ему на чай!»

Когда небесное светило все выше и выше поднималось над линией горизонта, солнечные лучи мало-помалу озаряли комнату Барни и все ближе подбирались к его неподвижному телу.

Каково же было его удивление, когда лучи уже яркого полуденного солнца, блуждая по его массивному торсу, практически не причиняли ученому, характерного в его ситуации, жжения, скорее, оно походило на легкое покалывание, которое время от времени казалось даже приятным.

«Значит, вакцина все-таки что-то да сделала, но что именно?» – задавался мучительным вопросом Барни. Острая колющая боль пронзила его мозг, словно острое копьё неандертальца, брошенное в древнего мамонта. В то же мгновение Барни потерял сознание.

Сознание к Барни вернулось только к вечеру. Придя в себя, он заметил, что за окном уже стемнело. На самом деле еще было не так поздно, но собирающиеся грозовые облака засло-

нили собой заходящее солнце. Урчащие звуки, доносившиеся из объемного желудка ученого, возвещали о возрастающем чувстве голода.

«Неужели весь день никто даже не удосужился проверить номер и постояльца? – в уме спрашивал себя Твил. – Надо было быть полюбезней с персоналом. Даже горничная не пришла. Наверное, Питер сказал, что я слишком нервный, и что будет лучше, лишний раз меня не беспокоить. Я сам виноват! Я в своей жизни совершал слишком много ошибок, но эта, наверное, оказалась самая глупая», – в заключении признался сам себе Барни.

Ощущение, словно гигантская оса каменноугольного периода, палеозойской эры, ужалила изнутри в область солнечного сплетения, пришло также неожиданно, как и появившаяся в следующую секунду, красноватого оттенка, полосатая конечность. Зеброобразный придаток, как хвост извивающейся змеи, хлыстал по стенам и окружающей дорогостоящей утвари. Те места, куда попадали хлесткие удары, светящегося красноватым неоном, изворачивающегося придатка, оставались глубокие трещины, ребристые выемки, а в некоторых местах и вовсе разломанные куски мебели из редких пород деревьев.

Под интенсивные движения взбесившейся конечности, тело Барни хаотично тряслось, а порой даже подпрыгивало. Не в силах пошевелиться, он мог только осознавать страшное, случившееся с ним, событие. Теперь он страстно желал своей смерти, не стремясь к спасению, потому что такового уже не могло и быть вовсе. Мучения ученого закончились в тот самый момент, когда гигантских размеров монстр, которому принадлежала конечность, разорвав на части торс человека, вырвался наружу.

Спустя всего полчаса неестественных размеров паук, поужинав останками Барни, в холке достигал уже, по меньшей мере, сто пятьдесят сантиметров, а в длину, и того больше. При всем притом он еще являлся только подростком, а не взрослой особью.

Если говорить о физиологии насекомого, то первым делом внимание привлекала пара крупных бивнеобразных челюстей, нещадно разрывающих все еще теплую плоть ученого. Мощная головогрудь членистоногого мутанта была покрыта хитиновой броней, все того же – ядовито-красного цвета, а в центре, большим пятном рисовался вычурный незамысловатый рисунок, желтого свечения. По обе стороны головогруды в совокупности торчали, что характерно, восемь неимоверно длинных члеников, наверняка, служивших пауку не только для перемещения, но и для убийства добычи во время, несомненно, кровожадной охоты.

В заключение всего прочего, тело паука заканчивалось массивным, яйцевидным, красным брюшком, на конце – немного загнутым вверх, а перед загибающейся частью размещался круглый, скорее всего детородный нарост. От основания брюшка и вплоть до детородного нароста тянулась пара дугообразных, единожды прерывистых, линий, все того же желтого свечения, а между ними виднелись шесть, перпендикулярных друг другу, точек.

За окном, наводнившие ночное небо, хмурые облака извергли из своих недр скопившуюся там влагу, и на человеческий мегаполис обрушился проливной дождь. Капли шумно забили по прямоугольному стеклу, превращая его бывшую прозрачность в мутную поверхность и лишь видневшийся вдалеке свет неоновых реклам, переливался в обильных струйках, хаотично скатывающихся вниз.

Поднявшись на лифте, а затем, следуя по красной ковровой дорожке, вдоль коридора восьмого этажа, Питер, остановившись напротив двери комнаты, в которой проживал постоялец по фамилии Твигл, поднял руку, но прежде чем постучать, нерешительно замер. Дворецкий, почувствовав, доносившийся из комнаты, отвратительный аромат дохлой крысы, слегка заволновался.

Трижды постучав в дверь, Питер произнес:

– Мистер Твигл, у вас все в порядке? – Ответа не последовало, и тогда дворецкий спросил: – Сэр, может вам что-то нужно? – Вновь тишина. – У меня есть ключ, – взволнованно прохрипел старик. – Можно мне войти? – Как и прежде, никакого ответа не прозвучало.

Питер, сняв с ремня связку многочисленных ключей, воспользовался одним из них. Когда замочный механизм щелкнул, возвестив о том, что дверь открыта, дворецкий, дабы не застать постояльца врасплох, вошел в комнату спиной вперед. Заперев за собой дверь, он, заслышав позади себя подозрительное шуршание, внимательно прислушался.

В комнате царил полумрак, казалось, было практически темно, но что-то все ж источало скудный свет из-за спины дворецкого. Питер подумал про включенный торшер.

– Сэр, Вы здесь?.. – прежде чем повернуться осведомился Питер. Шумно глотнув, он не спеша обернулся.

Сказать, что зрелище было не из приятных – ничего не сказать!

Дворецкий, широко выпучив глаза и крепко прижав руки к груди, отшатнулся, при этом он, что было сил, уперся спиной в дверь. Круглая позолоченная ручка здорово врезалась ему в поясницу. Питер открыл рот, чтобы закричать. Нет, не от боли – от страха, перед ужасным монстром, который неподвижно стоял посередине комнаты в окружении обломков разрушенной мебели.

Когда дворецкий повернулся боком, чтобы было удобно дотянуться до дверной ручки – громадный, красный паук протянул одну из своих удлинённых конечностей к дрожащему от страха человеку.

– Боже мой, нет... – воскликнул Питер, чувствуя, как красный, полосатый членик грубо уперся в его спину.

Случайно уронив связку ключей, старик, поспешив подобрать ее, быстро присел. В тот же миг второй придаток нанес резкий прямой удар, как раз в то место, где еще секунду назад находилась грудная клетка Питера.

Похоже, что паук еще не успел получить достаточно практических навыков при ловле своей добычи, именно поэтому и промахнулся.

Вынув кончик придатка из, пробитой насквозь, входной двери, паук, злобно щелкнув челюстями, прижал дворецкого к полу, а дрогой конечностью попытался прицелиться в область грудной клетки вырывающегося старика. Вновь дворецкий оказался проворней неопытного монстра и, ловко вывернувшись, освободился от сильной конечности, прижимающей его к полу.

Не поднимаясь с колен, Питер быстро протопал к ванной комнате и, оказавшись внутри, поспешил запереться. Защелкнув механизм, дворецкий, поднявшись на ноги, отпрянул от двери и уселся на бортик ванны. Он тяжело дышал, к тому же, в его возрасте, при подобной ситуации, можно было без особого труда заполучить инфаркт, но к счастью, сердце старика оказалось достаточно выносливым, чтобы выдержать столь невероятное психологическое потрясение.

Дворецкий, на мгновение, задержав шумное дыхание, внимательно прислушался. Непродолжительная тишина сменилась настораживающим шуршанием с противоположной стороны двери. Паук не хотел сдаваться. Не желая отпускать первую свою живую добычу, он принялся изучать преграду.

Продолжающееся уже в течение нескольких минут не затихающее шуршание – сменилось устрашающим древесным хрустом. Питер, немного отдышавшись, практически на ощупь, подошел к душевой пластиковой кабине и, нащупав выемку, открыл небольшой проход. Закрывшись внутри, он, свернувшись калачиком, тихонько улегся на гладкую поверхность.

Наконец, потрескавшаяся деревянная дверь ванной комнаты не выдержала натиска охотника, ее петли, натужно поскрипывая, вышли из своих пазов, и с продолжительным хрустом вся недолговечная конструкция рухнула на изысканный гранитный пол.

Проникнув внутрь, паук занял практически все свободное пространство ванной комнаты. Он замер, и в течение какого-то времени то ли прислушивался, то ли принимался, ну, в общем, пытался отыскать старика – присущими себе, специфическими органами чувств.

Тем временем сам Питер, лежа на дне душевой кабины, поджав нижнюю губу, пытался сдерживать накатывающий, одна другой выше, волнами страх. Интенсивность дыхания тоже пока что была под его контролем. Он дышал очень тихо и медленно, стараясь не выдать своего места нахождения. Но единственное, что наверняка спасло бы Питера – это остановка собственного сердцебиения. Именно его и почувствовал паук в стандартном «пластиковом контейнере» душевой кабины.

Одним единственным взмахом полосатого придатка, членистоногий монстр разнес целостную структуру кабины на индивидуальные фрагменты. Некоторые, из более крупных кусков, накрыли распластавшегося внутри Питера. Прицелившись в сформировавшийся из пластмассы бугорок, паук резким рывком вонзил свой придаток в его центр.

Немыслимо, но фортуна вновь оказалась на стороне дворецкого, хотя она и была недолговременной. Пока монстр пытался освободить из душевой ванны застрявшую конечность, Питер быстро выбрался из-под пластикового завала и попытался убежать, но на выходе из ванной комнаты челюсти паука оказались слишком близко к человеку.

Паук, кланув мощными челюстями, в одно мгновение перекусил хрупкое человеческое тело надвое, а затем освободившимся придатком пробил грудь старика снайперски точным попаданием в область сердца. Дворецкий умер мгновенно.

Людвиг – консьерж, работая с компьютером за своей персональной стойкой, как раз вносил данные очередного заказа на лимузин, как вдруг, неожиданно прозвучавший, звонок телефона отвлек его сконцентрированное внимание.

– Консьерж восьмого этажа – слушает! – выразительно произнес он.

В ответ прозвучал взволнованный голос женщины преклонного возраста:

– Извините, меня зовут Мередит Сваленс. Я услышала странный шум и когда выглянула в коридор, то поняла, что не ошиблась. Случилось что-то страшное.

Слова пожилой женщины не вызвали у Людвига волнительных мыслей, так как он уже неоднократно слышал подобные заявления. Вообще он считал, что богатые люди воспринимают все слишком эмоционально.

– Объясните, пожалуйста, что именно вызвало у вас подобное подозрение? – Людвиг, ожидая ответа, уже предвкушал, как будет рассказывать бредни старой миллионерши своим друзьям и родственникам.

– Я наверняка не могу утверждать от чего именно но, похоже, что от выстрела, а может быть, еще отчего-то подобного, в дверях, напротив моего номера, зияет огромная дырка.

От подобного заявления, консьерж чуть было не прыснул слюной.

– Не выходите из своего номера, я сейчас буду... – быстро проговорил он и, положив трубку телефона, подозвал двух охранников.

Консьерж, в сопровождении пары охранников в полицейской форме, прибыл к указанному месту. В подтверждение словам богатой старушки, в двери номера, в котором проживал, недавно въехавший, мистер Твигл, находилось, выбитое наружу, рваное отверстие – практически овальной формы.

– Что за чертовщина?! – произнес Людвиг, заинтригованно рассматривая брешь.

Охранники недоуменно переглянулись.

Любопытный консьерж прощупал края отверстия и почувствовал, как из комнаты дует легкий прохладный ветерок. Отдавая дань любезности, Людвиг постучал.

– Мистер Твигл? – Дернув за ручку, он убедился, что дверь заперта на ключ. Тогда консьерж повернулся к противоположной двери и постучал в нее. – Миссис Сваленс? – Входную дверь открыла миловидная старушка с выкрашенными в гранатовый цвет волосами. Глядя на ее лицо, становилось ясно, что женщина перенесла уже около трех пластических операций и немного походила на китаянку.

– Можно воспользоваться телефоном в вашем номере? – поинтересовался Людвиг.

– Конечно, конечно, проходите! – добродушно произнесла Мередит, в душе радуясь тому, что может как-то помочь прояснить ситуацию. Охранники остались снаружи, а когда Людвиг подошел к телефону и взял трубку, она спросила: – А вы уже выяснили, что там случилось?

Консьерж, поспешно набирая номер, вежливо ответил ей:

– Пока – нет. Нам не удастся попасть внутрь. Хозяин номера не открывает. – Распознав на растянутом лице пожилой женщины гримасу беспокойства, он добродушно солгал: – Но вряд ли там произошло что-то серьезное.

Как не странно, но женщина поверила любезному консьержу и больше не задала ни единого вопроса.

Наконец, ему ответили.

– Здравствуйте, вы позвонили консьержу седьмого эта...

– Винсент извини, что звоню с этого номера, но не мог бы ты прислать на восьмой этаж Питера?

– Да, я сейчас же скажу ему.

Заранее поблагодарив сослуживца, молодой человек положил трубку, и после нескольких извинений, адресованных миссис Сваленс, собирался было направиться к двери, но, даже не успев сделать шаг, его намерение было прервано телефонным звонком.

Он вновь поднял трубку телефона и ответил:

– Номер миссис Сваленс... – Его догадка оправдалась, звонил Винсент.

– Я не смог найти Питера. Его нигде нет. То же самое говорят и другие дворецкие.

– Ладно. Все равно спасибо. – Людвиг положил трубку и на минутку призадумался.

– Какие-то проблемы? – добродушный голос Мередит прервал размышления консьержа.

Людвиг задумчиво посмотрел в неестественно зеленые глаза миллионерши. «Наверное, она носит контактные линзы», – подумал он.

– Нет. Все в полном порядке, – вынужденно соврал услужливый консьерж. – Еще раз извините за причиненное беспокойство.

– Ничего страшного! – проговорила старушка, провожая молодого человека к двери.

* * *

«А ведь старушка могла бы и не впустить меня, – подумал Людвиг, выходя в изумительно украшенный коридор. – Она имела на это полное право. Тогда бы мне пришлось вновь спуститься в холл, а своими поисками Питера и неосмотрительными вопросами – я мог бы запросто встревожить, только прибывших, или уже мирно отдыхающих постояльцев отеля».

Несмотря на свои молодые годы, Людвиг считался очень опытным консьержем, и в силу своей должности он повстречал много разных, с моральной точки зрения, людей.

На мгновение призадумавшись, Людвиг осознал, что ошибался относительно поведения различного контингента общества. Хотя подобный мягкий норов, имеющийся у миллионерши, скорее исключение из правил, чем регулярное постоянство.

Воссоединившись с охранниками, консьерж решил, что нецелесообразно тратить время попусту – на поиски исчезнувшего дворецкого. «В конце концов, потом я ему сделаю хороший выговор, – утешил свои эмоции Людвиг. – А может, даже посодействую в снятии с должности, определив его, как некомпетентное лицо».

Едва Людвиг успел обратиться к провожатым в форме, как они уже принялись изучать замочный отсек на предмет взлома. Осознав, что у них с собой нет ничего подходящего, что хоть мало-мальски сгодились бы за отмычку, охранники принялись высаживать дверь.

Один из них, с целью снизить вибрацию, всем своим весом уперся в центр двери, а второй, тот, что был раза в два массивней другого, предварительно отойдя на пару шагов назад,

устремившись всей своей массой вперед, врезался плечом, как оказалось в незначительную преграду.

Под сопровождение звуков: ломающейся древесины и упавшего на пол металлического паза – дверь приоткрылась.

Людвиг, толкнув ее, разочарованно уставился на захлащенное пространство, открывшееся взору. Света в комнате не было, а прямо напротив уже вошедших в комнату людей, там, где раньше было застекленное окно, красовались лишь остатки рваной занавески, взбалмошно колыхающейся на ветру, и изрядно деформированная оконная рама.

Подойдя к выключателю, один из охранников вознамерился включить свет, но Людвиг, заметив разбитые в плафонах лампочки, остерегаясь возможности возникновения короткого замыкания, вовремя остановил действие мужчины.

– А это, что за гадость? – неожиданно произнес более крупный мужчина – в полицейской форме. Подняв – попавшую под ноги – находку, он, немного повернувшись к свету, доносящемуся из коридора, с выпученными от ужаса глазами определил найденный предмет.

Охранник сперва не поверил своим глазам, но когда осознал, что держит в руках большой палец человеческой ноги, выкрикнув самое бранное слово, на которое только мог сподобиться, судорожно отбросил окровавленный фрагмент отсутствующей ноги. А после поспешил вытереть запачканные пальцы об, и без того заляпанные кровью, когда-то бывшие белыми простыни.

Все трое уставились на, кажущийся в темноте, необычно раскрашенный пол.

Глаза мужчин уже стали постепенно привыкать к полумраку и их мозгу начали открываться более четкие, сопутствующие разрушенной обстановке, волнительные подробности. Темные пятна, повсеместно покрывающие пол, являлись не чем иным, как человеческой кровью. Ко всему прочему, в комнате присутствовал легкий металлический запах, который, в свою очередь, контрастировал с омерзительным резким запахом гниющей плоти.

– Я больше не могу здесь оставаться! – выкрикнул один из охранников, чем и подтвердил желание остальных поскорее убраться отсюда.

Практически синхронно развернувшись на каблуках, трое вознамерились незамедлительно покинуть «комнату пыток». Желание уйти прочь, по крайней мере, у двух охранников, оборвалось так же стремительно, как и сама их жизнь. Пара, материализовавшихся из-за разбитого окна, заостренных на концах придатков, пронзила грудные клетки мужчин, находившихся по обе стороны от Людвиг, и через мгновение, уже мертвые, они исчезли за окном – в дождливой темноте улицы.

Ошарашенный происходящим, консьерж, в нерешительной попытке бежать, споткнулся об кожаный кейс, валяющийся на полу, и сам грохнулся на пол. Зашлепав руками и ногами по влажному окровавленному полу, ему удалось вылезти в освещенный коридор. Дверь противоположной комнаты открылась, и оттуда показалось лицо миллионерши Мередит.

Завидев окровавленную ладонь, тянущуюся к ней, женщина преклонного возраста, громко закричав, захлопнула дверь.

– Старая дурра! – в ярости крикнул, побледневший от страха, консьерж. – Позвони Винсенту. – Но женщина, до смерти испугавшись увиденного, отныне не слышала слов – некогда любезного – молодого человека. Вбежав в ванную комнату, она поспешно заперла дверь и, вжавшись в угол, между стеной и душевой кабиной экстра-класса, захлопала носом.

Людвиг, дотянувшись до дверной ручки комнаты миллионерши, с трудом поднялся на ноги и поспешил к лифту.

Как назло, обе кабины были слишком далеко от восьмого этажа, а терпение Людвиг, в сложившейся ситуации, оставляло желать лучшего. Один из лифтов, судя по свечению, над запертыми створками шахты, цифры «1», двигался по направлению в холл. Другой же лифт

находился на самом верхнем этаже и, несмотря на то, что он не был занят, все же не реагировал на команды вызывающей кнопки.

Молодой консьерж расслаблено уперся лбом в свою тощую руку, горизонтально расположенную на гранитной стене, и принялся ждать, когда, как он предполагал, человек, удерживающий лифт, наконец, спустится к нему.

Время неумолимо шло, а лифт все оставался на прежнем месте, а тот, который ранее спустился вниз, так же как и верхний, неподвижно застыл, но в районе первого этажа.

Наконец, собравшись с мыслями, Людвиг решил попытать счастья на лестничной площадке, но, подбежав и с силой дернув ручку двери, обнаружил, что та заперта. Быстро зашарив по карманам, предприимчивый консьерж с горечью осознал, что ключа у него нет. «Наверное, оставил за стойкой», – подумал он.

Изначально зародившаяся паника слегка утихомирилась. «Как бы там ни было, – в уме рассуждал Людвиг. – С противоположной стороны дверь открывается без ключа и если лифты сломались, то возможно, рано или поздно, кто-то поднимется сюда по лестнице».

Вернувшись к лифтам, он продолжил раздраженно нажимать автоматизированные кнопки вызова. Прежний результат, его утомительных действий, не знаменовался новыми достижениями. Лифты были непоколебимы и как заговоренные располагались на своих местах, даже и для приличия не шелохнувшись.

– Все-таки надо позвонить, ведь так не может долго продолжаться, – беспокоило, в пол-голоса, произнес консьерж, и собирался было постучать в дверь ближайшего постояльца, как вдруг свет в коридоре замигал. Спустя несколько секунд исправная подача электроэнергии восстановилась.

– Чертовщина какая-то, – напряженно вздохнул Людвиг, а вскоре до его слуха донесся подозрительный скрежет в одной из лифтовых шахт.

Консьерж, подойдя поближе, прильнул ухом к створчатой лифтовой двери и внимательно прислушался. Постепенно нарастающий – свистящий – металлический звук вызывал у молодого человека не самое приятное впечатление. Чувство беспокойства – все возрастало, как и всеобъемлющий свистящий звук в скованном пространстве шахты. Мимолетно промчавшись, по другую сторону створок, человеческие вопли, из пролетевшего вниз, с большой скоростью, лифта, заставив Людвигу импульсивно отпрыгнуть, растворились в глубине шахты, а секунду спустя, сразу после мерзкого скрежета отказавших тормозов, и вовсе затихли.

Пока консьерж, припав спиной к стене, пытался осознать случившееся, громыхнул сорвавшийся лифт, ударившийся на большой скорости о бетонное перекрытие.

«Ужас! Интересно, сколько людей там находилось?» – мысленно спрашивал себя Людвиг. – Вряд ли кто-нибудь выжил, – шепотом констатировал он.

Из вертикальной щели – между створками – просочились взбудораженные частички бетонной пыли, а еще через секунду во всем отеле погас свет.

* * *

Глубоко под землей – в подвальных помещениях пятизвездочной гостиницы, светящееся красным неонем восьмипалое создание, расправившись с распределительной будкой, застыл на месте, вынашивало коварный план дальнейшей охоты. А тем временем в вестибюле гостиницы творился полнейший хаос и кавардак.

Бегающие в панике люди, сшибая друг друга с ног, падая на твердый каменный пол, получали ушибы и незначительные увечья. Винсент и еще несколько консьержей в тщетных попытках пытались успокоить взбесившуюся толпу. Пользуясь программой – стандартной процедуры эвакуации, они просили постояльцев отеля, выстроившись в шеренгу, через центральный вход выйти на улицу, но обезумевшие от страха люди вели себя гораздо хуже, чем взбудораженное

опасностью стадо овец, бросающихся с утеса, к счастью, у центрального входа в гостиницу – такового не было.

Паникующие люди, разрываясь между необходимостью соблюдать дисциплину и подавлением собственного страха, оказались неподготовленными к сложившейся ситуации. Безмятежное состояние отдыха и чувство полной защищенности – помешали двуногим обитателям воспользоваться собственным разумом.

– Сэр, я бы вас попросил... – обратился Винсент к одному человеку, толкающемуся в куче народа, у входа. Случайный, жуткий удар локтем по носу, кем-то из толкучки, прервал обращение консьержа. А мужчина, к которому он обращался, растолкав женщин и стариков, благополучно выбрался наружу.

– Что с тобой, парень? – случайно заметив Винсента, присевшего в ногах толпы, и подойдя поближе, поинтересовался Белинс. – Кто тебя так? – заметив окровавленное потемнение под носом, вновь спросил консьерж шестого этажа.

– Я не знаю, кто это был, – поднимаясь во весь рост, ответил Винсент. – Случайный локоть из толпы – последнее, что я заметил. А после потемнело в глазах, и засверкали звезды.

Белинс, состряпав возмущенное лицо, ничего не сказал, а лишь, громко прицокнув языком, покачал головой.

* * *

К красному неоновому свечению, заливавшему подвальное помещение отеля, внезапно прибавилось более насыщенное – багрового оттенка сияние. На фоне непрекращающихся поскребываний паука и шуршаний длиннохвостых грызунов, послышался резкий хлюпающий звук, за которым громкий писк сменился настораживающей тишиной.

Паук, извергая из своего детородного органа – на брюшке – красную, слизи подобную, не совсем органичную субстанцию, на расстоянии двух-пяти метров, поражал грызунов, разбегающихся по углам, почти точными попаданиями. Попадая на серое, не совсем приятное человеку, млекопитающее животное, красные Частицы, словно мельчайшие многомиллионные пираньи, практически мгновенно расправлялись с плотью каждого грызуна. Оставляя лишь белые обглоданные кости, Частицы устремлялись к следующей жертве. В силу своей медлительности, они не имели возможности атаковать, но зато реально могли рассчитывать на зазевавшуюся серую особь, случайно попавшую в их смертоносные объятия. Так оно, в принципе, и происходило.

Как и родитель, Частицы, под воздействие вакцины, мутировали и перестали выполнять репродуктивную функцию, а самое ужасное, они стали плотоядными, впрочем, как и сам паук.

Теперь, здесь и сейчас, Частицы, как и в прошлом – охотники, но подобный инстинкт, от цели: преобразования самого себя – перерос в цель: безудержного поглощения всего живого. Чем подобная мразь не апокалипсис?

* * *

Высоко над вестибюлем, а точнее на восьмом этаже, и не за много километров от своих товарищей консьержей, Людвиг, достав из кармана маленький компактный фонарик с крохотной, но зато мощной светодиодной лампочкой – белого свечения, освещал створки, ныне где-то внизу, разрушенного лифта. Пока консьерж пытался прийти в себя, разглядывая пылевые облака, клубящиеся в свете диодной лампочки, по меньшей мере, пять или семь дверей комнат открылись и оттуда, кто на ощупь, а кто-то, воспользовавшись светом от экрана мобильного пейджера, все постояльцы постепенно выходили в темный коридор. Через какое-то время, длинное, скромно освещенное пространство заполнилось голосами вопрошающих людей.

Под лучом своего фонарика, Людвиг обвел взглядом всех присутствующих и, не церемонясь, даже не затруднив себя что-либо объяснить, направился к двери лестничной площадки.

Стремление покинуть «золотую клетку» с каждой секундой возрастало все больше. Смерть охранников и постояльца, будоражило его все сильнее. Людвиг не мог себе объяснить, что он видел и терялся в догадках. «Является ли это хотя бы на пятьдесят процентов правдой?» – уже неоднократно спрашивал он себя.

Дернув несколько раз за ручку, консьерж лишь в очередной раз убедился, что дверь, ведущая на лестничный пролет, достаточно плотно прижата к прочному косяку, обшитому белым, дорогим пластиком. Почувствовав на своей спине неожиданное прикосновение, Людвиг обернулся, осветив белым светом, стоявшую перед собой фигуру пожилой женщины.

Ею оказалась взволнованная Мередит.

По-видимому, когда погас свет, и без того напуганная, она решила все же выйти и воочию убедиться, что ничего катастрофического не произошло. Хотя Мередит и чувствовала скрытую угрозу в сложившейся ситуации, но всеильно отрицала правдоподобность своих догадок.

Беспокойный взгляд Людвиг уперся в лицо женщины. Губы его даже не дрогнули, казалось, он и вовсе не собирался ничего говорить. Сама Мередит тоже стояла молча. Один из постояльцев, вышедших в коридор, тот, что ближе остальных находился к лифту, вопреки отключенной электроэнергии, попытался вызвать «транспорт» на этаж, но как и следовало ожидать, желаемых результатов не последовало.

– Что здесь произошло? – спросила Мередит, отвлекая внимание Людвиг от мужчины, усердно пытающегося вызвать лифт.

Консьерж уставился на миловидную старушку, но сразу ничего не ответил. В голове мелькнули ужасающие картинки пугающих воспоминаний.

– Я – не знаю! – ответил ей Людвиг. – Я не могу объяснить!

– Что, черт возьми, тут происходит?! – выкрикнул мужчина, стоявший у лифтов. – Я заплатил кучу денег. Где мой обещанный комфорт?

Людвиг, не отвечая разъяренному постояльцу, лишь растерянно посмотрел на него.

– Я, правда, не знаю, что тут происходит, – проговорил услужливый паренек, глядя на Мередит.

Женщина призадумалась, а потом, припомнив, спросила:

– Почему у вас руки в крови... и рубашка?

– Да он же псих ненормальный! – сделав неверный вывод, процедил мужчина у лифта. Надо его связать, а то он нас тут сейчас всех положит.

– Никого мы не будем связывать, – резко и громко, чтобы все слышали, произнесла миллионерша.

Взбурдаженный мужчина, бурча себе что-то под нос, шумно захлопнув дверь, скрылся в своей комнате.

– Людвиг... – Старая женщина придвинулась к консьержу. – Вы можете нам что-нибудь рассказать?

– Я с радостью бы поделился с вами информацией но, к сожалению, сам не знаю, что тут происходит.

– Откуда же тогда взялась эта кровь? – поинтересовалась молодая девушка, стоявшая вдалеке и заглядывающая в одну из комнат.

Людвиг тяжело сглотнул.

– Возможно, эта кровь постояльца, а может, и еще кого-то. Один из охранников, с которыми я сюда пришел, нашел там чей-то палец. Его владельца, к сожалению, нигде поблизости не было. – Консьерж пару секунд помолчал, а потом добавил: – Лишь только кровь и разруха.

Из окровавленной комнаты, несмотря на разбитое там окно, доносился тошнотворный запах, и по этой самой причине, девушка, что недавно задавала свой вопрос, плотно закрыла дверь, заперев безобразный номер.

– Кстати, а где эти охранники?

Фонарик Людвиг метнулся по направлению к прозвучавшему голосу. Говорил молодой и с виду очень крепкий мужчина – лет двадцати семи.

– Они вылетели в окно, – не подумав, как следует, над формулировкой, ответил консьерж.

– Как это? – озадачилась молодая девушка. – Сами вылетели? Их что, ветром сдуло?

Людвиг хотел было усмехнуться, как и стоявший неподалеку, хмыкнувший, молодой мужчина, но решил, что сделать подобное в данную минуту, с его стороны будет не самая лучшая идея.

– Да нет же. Вы не так меня поняли.

– Ну, так проясните ситуацию! – уже немного раздраженно, явно теряя терпение, выговорил молодой мужчина.

– Я не знаю, насколько вам мой ответ покажется странным... Ладно, черт с ним. Охранников что-то утащило в разбитое окно.

– Так, значит, оно было уже разбито? – спросил кто-то из людей.

– Да, – признался Людвиг.

– А что это было? – спросил еще кто-то.

Служащий, атакуемый вопросами, помешкал, а потом неуверенно ответил:

– Что-то наподобие щупальцев.

– А я бы все-таки согласился с джентльменом, ушедшим в свой номер. Он несет какую-то чушь, – констатировал, недавно усмехающийся, молодой мужчина.

– А я ему верю, – произнесла миллионерша.

– Ах! Еще лучше, – вновь произнес молодой мужчина. – Теперь их двое: психически ненормальный консьерж и сумасшедшая старуха.

– Попридержите свой длинный язык, молодой человек, – угрожающе прозвучал тяжелый голос из дальней темноты коридора.

Все присутствующие почти разом обернулись, дабы выяснить, кому принадлежит столь тяжелая и внушительная интонация. Людвиг посветил фонариком в приближающегося господина. Из темноты, на всеобщее обозрение, вышел невысокий, в старомодной шляпе, мужчина преклонного возраста. Передвигаясь, он незначительно опирался на трость, находящуюся в его правой руке, выполненную, похоже что, из какой-то кости, а может и дешевого пластика.

– Позвольте представиться, – произнес он своим грузным голосом, а Людвиг тем временем немного опустил фонарик, чтобы яркий луч света не упирался в лицо старика. – Меня зовут Холлистайн, но друзья зовут меня – старый Холли.

– Очень приятно, – ласково, будто проурчала домашняя кошка, произнесла миллионерша, стоявшая напротив Людвиг. – Мередит Сваленс, – представилась она.

Во время их беседы никто из присутствующих не рискнул произнести ни слова.

– Я полагаю, мистер Сваленс довольно счастливый человек?! – ровно проговорил Холлистайн.

На замысловатый комплемент – Мередит улыбнулась, но потом улыбка немного сошла с ее лица.

– К сожалению, он...

– Извините меня. – Холлистайн приподнял шляпу, но потом, опустив, оставил ее, как прежде, лежать на своей голове.

По мнению Людвиг, появившийся экземпляр человеческой популяции относился к тем представителям, которые любят на торгах скупать ценные редкие вещи и прочие произведения

искусства. Подобные ему, в высшем обществе, именуются как ценители ушедшей моды, а среди народа, подобный тип, называется просто: Барахольщик или старьевщик.

* * *

За запертой на ключ дверь, что вела на лестничную площадку, постепенно нарастая, доносились приглушенные голоса людей, нелепо сочетающиеся с шумной поступью ног, бегущих по многочисленным ступенькам. Судя по шуму, растворяющемуся где-то в глубине, можно было с уверенностью предположить, что масса двигающихся людей следовала по направлению вниз.

Мерedit, стоявшая возле Людвига, так же как и сам консьерж, обратила внимание на звуки удаляющихся вниз людей.

Услужливый консьерж, словно бы случайно уколотый булавкой в мягкое место, резко повернулся и усердно забарабанил по деревянной преграде, отделяющей их от лестницы. Пока Людвиг лихорадочно стучал, голоса людей растворились в пределах нижних этажей гостиницы.

Вскоре, разочаровавшись в своих безнадежных действиях, молодой консьерж, расслабленно повернувшись к миллионерше, гулко уперся спиной в непреклонную дверь. Секунду спустя по другую ее сторону послышались скрежещущие звуки. Людвиг четко почувствовал своей спиной, что дверь незначительно дернулась. Очевидно, кто-то старательно пытался ее отпереть. Людвиг вновь повернулся и забарабанил по дереву.

Скрежет резко прекратился и психически измученному консьержу, наконец, ответили:

– Мы вас скоро вызволим! – утвердительно произнес знакомый голос.

– Винсент, это ты?

– Людвиг?... Да, приятель, это я. Сколько вас там?

– Со мной тут... – Людвиг мгновение помедлил с ответом и попытался хоть примерно пересчитать присутствующих. – Человек семь или восемь. Но я не уверен, возможно, кто-то еще остался в других комнатах и не решается выйти.

– А где твой ключ? – спросил другой, но тоже хорошо знакомый – голос Белинса с гундавым произношением.

– Похоже, я его оставил за своей стойкой, – признался Людвиг.

– Да-а? И нам он тоже не понадобится. – Вновь послышалось скрежетание. – Ручка не поворачивается, наверное, внутри механизма что-то заело.

– А вообще кто-нибудь уже знает, что случилось с электричеством? – осведомилась Мерedit, практически прислонившись лицом к двери.

– Пока что – нет, – ответил ей Винсент. – Но мы вызвали специальную группу, они скоро придут и все наладят, а пока что мы всех постояльцев временно распределяем по другим гостиницам города. Дабы не свести людей с ума, консьерж седьмого этажа решил не упоминать о рухнувшем лифте.

– Тут человека убили! – выкрикнул молодой мужчина, на что ответно получил тростью по ноге от старого Холли. – Эй, какого?.. – хотел было возразить мужчина. Однако, Холлистайн, подняв перед его лицом свою трость, тем самым отбил у того всякое желание перечить.

– Что там у вас стряслось? – взволнованно спросил Винсент.

Людвиг нехотя ответил:

– Кто-то съел мистера Барни Твигла...

За дверью послышался смешок Белинса, который практически сразу прекратился, по-видимому, от взгляда Винсента, недовольно воззрившегося на несдержанного сослуживца.

– Мы практически всех уже эвакуировали из здания, но вам придется дожидаться группы спасения. Мы не можем позволить себе сломать эту дверь.

– Винсент хотел сказать, – вклинился голос Белинса, – что нам этого не позволит наша скромная зарплата.

– Прекрати! – резко произнесенное слово послышалось из-за двери.

Людвиг вопросительно посмотрел в глаза Мередит, а потом, вновь повернувшись к двери, произнес:

– Мне кажется, что мы все в большой опасности!

– Объяснись, – попросил его Винсент. – Какая может таиться опасность в отсутствии электричества. Я, конечно, понимаю, что кто-то может споткнуться или удариться но...

Вероятно, Винсент не придавал серьезности относительно слов молодого мужчины, которого прервал Холлистайн.

– Помнишь, я уходил из вестибюля с двумя охранниками? – спросил Людвиг Винсента.

– Да... припоминаю, кажется.

– Так вот, их теперь нет.

– В смысле?

– Когда мы вошли в комнату исчезнувшего мистера Барни, их что-то утащило в окно.

За дверью, как и в коридоре, в котором находились постояльцы, повисла напряженная тишина.

– Мне интересно, что вы там курите? – неожиданно раздался голос Белинса. Он явно не воспринимал сказанное всерьез.

В свою очередь, Винсент промолчал, ничего не ответил.

– Винсент?

– Да? – осведомился тот.

– Почему-то мне кажется, что ты мне не веришь, ведь так?

– Людвиг... я не знаю. В общем, вам придется дожидаться специализированной помощи.

Ок?

Консьерж восьмого этажа немного помолчал, а потом согласно ответил:

– Хорошо, Винсент, как скажешь.

– Мы сейчас спустимся вниз и будем дожидаться прибытия помощи у входа. Когда они явятся, я сразу же отправлю их к вам на выручку.

– Спасибо, Винсент, – поблагодарил товарища Людвиг.

– Держитесь там. Помощь скоро будет.

За дверью прозвучали звуки шагов двух человек, спускающихся вниз по ступенькам. Парная поступь, постепенно затихая, растворилась в глубине нижних этажей. Людвиг и еще несколько персон, присутствующих с ним в коридоре, загадочно переглянувшись, а затем, неловко уставившись в темный пол, стали ожидать своего, казалось бы, скорого вызволения.

Глава 3

Когда Белинс уже вышел за пределы лестничного пролета, Винсент, пересекая дверной порог, внезапно остановился, ему показалось, что мгновение назад он слышал чей-то ужасающий крик или вопль. Сам он не мог интерпретировать источник звука, хотя осознавал, что тот, словно высвобождаясь, поступал откуда-то снизу. «Возможно, это от сильной усталости», – подумал консьерж. Он понимал, что слух в этом случае, как известно, может и подвести, сыграв со своим владельцем злую шутку.

Как правило, в темном пространстве лучшим будет избегать скопления большого количества людей. Именно по этой причине Винсент, Белинс и еще несколько консьержей попросили всех работников разойтись по домам. А когда ситуация нормализуется, поручились им об этом незамедлительно сообщить.

По меньшей мере, оставшихся на своем посту, шесть консьержей, включая Винсента и Белинса, сидели в практически темном холле отеля, ожидая прибытия группы спасения. Все же свет от уличных фонарей понемногу проникал внутрь, в противном случае, дальнейшее нахождение в подобном месте, при определенных условиях, было бы невозможным. Кто-то игрался фонариком, сожалея о том, что отказался пойти домой, когда была такая возможность, а вот Винсент совершенно был обеспокоен другим.

«Что могло произойти в номере мистера Твигла? – мысленно рассуждал Винсент. – Возможно, охранники просто вылетели в окно из-за неосторожности. Тогда где же тела? – осветился он сам у себя. – И еще, откуда взялась кровь и где сам хозяин номера?»

– Чертовщина какая-то, – не находя ответа на свои вопросы, вслух произнес Винсент.

– Что именно? – поинтересовался, сидевший рядом, Белинс.

– Да все...

– Ты о том, что сказал Людвиг?

– Именно...

– Не бери в голову, – Белинс посветил фонариком на карикатуру, состроенную рукой, на потолке отразился силуэт собачьей морды. – Он просто перенервничал.

– Интересно, он знает, что обрушился один из лифтов, в котором погибли люди?

– Вряд ли... – ответил Белинс, играя тенью собаки. – Откуда ему это знать, он же был все это время наверху.

Взглянув в ближайшее окно, Винсент открыл для себя мерзкую погодную действительность. На улице шел сильный дождь, почти проливной, можно даже сказать, что тропический. Погода совместно с нахлынувшими неприятностями действовала на него угнетающе. Белинс со своего места уловил взгляд товарища и скромно ратифицировал.

– Задерживаются, наверное, все из-за дождливой погоды.

Винсент кивнул.

– Пойду, выйду под навес. Подышу свежим воздухом. – Поднявшись, он не спеша побрел к выходу.

Оказавшись за пределами просторного вестибюля и прикрыв за собой стеклянную, позолоченную на кроях, широкую дверь, Винсент, вдыхая городской, но в какой-то мере, возможно благодаря раскинувшемуся неподалеку парку, свежий воздух, наслаждался высокой концентрацией в нем живительного кислорода.

Хотя консьерж и стоял в пределах навеса, защищающего его от ливня, все же частые капли дождя, с силой ударяющиеся об пол, вымощенный узорчатой тротуарной брусчаткой, разбиваясь на более мелкие капельки, осаждались на нижней части брюк Винсента. Черные

лакированные туфли консьержа также немного промокли, но только снаружи, благо, водостойкое покрытие не способствовало проникновению жидкости внутрь обуви.

Накладывающийся друг на друга шум, разбивающейся оземь жидкости, поглотил другие, например звуки, сопутствующие передвигающемуся автомобилю. Навес, оберегающий от влаги, хорошо выполнял отведенную ему функцию, зато относительно дождевого шума, от него подобная конструкция была неспособна защитить, а как раз наоборот, находясь над головой, способствовала усилению, раздающегося от капель, гула.

Винсент достал из кармана синюю квадратную пачку сигарет: «Ротменс». Вынув одну сигарету, он зажал ее между губ и принялся искать зажигалку. Наконец, нащупав в кармане пиджака небольшой прямоугольник, и достав его, он чиркнул о кремь и поднес сформировавшееся пламя к кончику с табаком. Вернув приспособление на свое место, консьерж глубоко затянулся и тут же прокашлялся, выплюнув изо рта тлеющую сигарету.

«Надо бросать курить», – неохотно подумал он и достал из пачки следующую. Ее впоследствии он смог курить полностью.

Изображая на потолке очередную карикатуру тени животного, Белинс случайно уронил фонарик на гранитный пол. Непродолжительно звякнув, устройство, в силу качественного исполнения, не погасло, и, закатившись под стул самого консьержа, осталось лежать неподвижно, а сам, хоть и узкий, но мощный луч света устремился в дальнюю темноту вестибюля – в сторону открытых створчатых дверей разрушенного лифта.

Нечто непостижимое, стоявшее там, приняв на себя яркий свет, яростно запищало, а затем издало ряд последовательно хлопнувших звуков.

Белинс от неожиданности свалился со стула, когда увидел прорисовавшегося вдалеке красноватого монстра. Еще прежде, в тот момент, когда фонарик только оказался на полу, консьерж, неудобно прогнувшись вперед, попытался достать закатившуюся под стул «игрушку», как вдруг прозвучавший вопль привлек его внимание. Мгновение спустя Белинс уже валялся на холодном полу.

Отвратительно хлопнувшие звуки не являлись, как ему сперва казалось, результатом его воображения. После череды подобных хлопаний, уже в воздухе Белинс заметил, как сгусток чего-то красного шлепнулся на одного из консьержей, сидевших на диване. Мгновенно, красная желейная субстанция полностью обернула лицо человека. Обглодав его до белого черепа, вещество принялось за все остальное.

Второй консьерж, сидевший рядом с пострадавшим, тоже не остался обделенным. Часть вещества, попавшего на него, живо принялось за дело, превращая одежду на груди в порошок, а едва заметные через кожу ребра, в белые, практически отполированные кости.

Белинс, стремясь остаться незамеченным, ползком поспешил спрятаться за администраторскую стойку. В следующую секунду прямо перед ним, направляясь к дверям, промчался еще один из консьержей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.